

ВТОРАЯ АПОЛОГІЯ

ПО

НОВОМУ ВОПРОСУ.

Мы привлечены къ ответственности предъ судомъ общественнаго мнѣнія по множеству нашихъ преступленій, открытыхъ въ напечатанной нами во 2-й книжкѣ Прибавленій къ Твореніямъ св. Отцевъ 1871 г. статьѣ подъ заглавіемъ «Новый вопросъ въ Православной русской церкви».

Обвинительный актъ предъявленный намъ, сіе море великое и пристрастное, изложено на 62 страницахъ довольно мелкой печати и былъ составляемъ въ теченіи трехъ мѣсяцевъ.

Онъ заказанъ и скрѣпленъ полною коллегіею пресвитеровъ (Прав. Обзор. Ноябрь 1871, 708) и намъ предъявленъ въ два приѣма—въ Октябрьской и Ноябрьской книжкахъ Православнаго Обзорѣнія 1871 года.

Въ обвинительномъ актѣ обвиненія противъ насъ предъявлены столь тяжкія, и высказаны столь смѣло и рѣшительно, съ такимъ видомъ несомнѣннаго убѣжденія, что намъ оставалось одно — смиренно сознаться во всемъ, въ чемъ насъ уличали. Этого требовалъ даже простой расчетъ: мы должны уступить большинству голосовъ.

Прибавл. Ч. XXIV.

45

Для окончательнаго уничтоженія насъ въ настоящій разъ недостаетъ только еще двухъ обстоятельствъ, именно: а) литературнаго протеста, которымъ такъ прославилось Правос. Обозрѣнiе въ началѣ 60-хъ годовъ, съ приглашенiемъ къ рукоприкладству протеста не только православныхъ, но и неправославныхъ и даже принадлежащихъ къ Моусееву закону, и б) еще обращенiя къ подлежащей власти, которая заставила бы насъ замолчать.

Но право слова, право защиты у насъ не отнято. И какъ ни грозенъ предъявленный намъ обвинительный актъ; однако же чувство правоты нашего дѣла, сознаниe его важности побуждаетъ насъ предпринять вторую апологiю его. Дѣло, по нашему мнѣнiю, столь важно, послѣдствiя его практическаго разрѣшенiя въ томъ или другомъ смыслѣ столь велики, что не одну, не двѣ, а десять и пятьдесятъ апологiй нужно представить, если бы того потребовали обстоятельства. Что насъ противники наши и защищаемаго нами дѣла бьютъ и, можетъ быть, еще будутъ бить—это, въ виду важности дѣла нами защищаемаго, не особенно насъ смущаетъ. Мы вѣруемъ, что не исчезъ въ русской землѣ человекъ, а въ русской Церкви—православный,—и что не все-сила у насъ фраза даже самая громкая и ложь самая колоссальная.

Прежде всего, прежде всякаго въ нашей апологiи дѣйствiя или объясненiя, мы считаемъ нужнымъ расчислить почву этого вопроса, осветить должнымъ образомъ эту прискорбную для насъ исторiю, не гами однако же начатую.

Нашъ почтеннѣйшiй противникъ увѣряетъ сво-

ихъ читателей, будто «я напалъ на него» (Прав. Обозр. Октябрь 1871, 188) и за тѣмъ нѣсколько разъ упрекаетъ меня, будто «я сдвинулъ этотъ чисто практическій вопросъ съ его естественной почвы и перенесъ на искусственную почву отвлеченныхъ—quasi-догматическихъ контроверсовъ, съ цѣлю будто бы затормозить естественное стремленіе къ улучшенію вѣшнихъ формъ жизни» (495, 496). Повѣрять ли, читатели, что въ обоихъ этихъ противъ насъ направленныхъ обвиненіяхъ все неправда отъ перваго слова до послѣдняго? Повѣрить этому въ виду торжественности и беззащитности увѣреній нашего противника трудно; но однако же было въ дѣйствительности не такъ, какъ онъ увѣряетъ, а какъ будетъ сейчасъ изъяснено. И нападеніе принадлежитъ ему, а мнѣ только оборона, и почва вопроса указана и очерчена не мною, а моимъ почтеннѣйшимъ противникомъ.

Нашъ почтеннѣйшій противникъ имѣлъ въ рукахъ нѣкоторые имѣющіе характеръ рукописей документы, относящіеся къ преобразованію духовно-судебной части, и счелъ возможнымъ нѣкоторыя намъ принадлежащія положенія извлечь изъ сихъ документовъ, опубликовать и ихъ публично опровергать въ своей статьѣ, напечатанной въ Мартовской книжкѣ Правосл. Обозрѣнія 1871 года. Онъ вырываетъ то нами защищаемое общее положеніе, что судная власть епархіальному архіерею принадлежитъ на основаніи церковныхъ правилъ, практики и Слова Божія и за тѣмъ на нѣсколькихъ страницахъ полемизируетъ противъ нашего положенія. «Говорятъ, что епархіальный архіерей, по опредѣ-

«леніямъ Апостольскихъ и Соборныхъ правилъ, по «указаніямъ непрерывной церковной практики и «даже по Слову Божию, долженъ совмѣщать въ од- «номъ своемъ лицѣ и власть судебную и прави- «тельствственную.» (Прав. Обзор. Март. 1871, 332). «Намъ приходилось слышать указанія именно на «первое правило VII вселенскаго собора въ дока- «зательство непремѣняемости церковныхъ правилъ «по отношенію къ вопросу объ отдѣленіи суда и «администраціи въ духовномъ вѣдомствѣ» (339). Такъ вырываетъ нашъ противникъ положенія, ко- торыя мы защищали, и полемизируетъ противъ нихъ на девяти страницахъ (332—340). Вотъ зерно на- шихъ съ почтеннѣйшимъ противникомъ разнорѣчій и разномыслій.—Какъ ни миролюбивы наши наклон- ности, какъ ни противна намъ всякая литератур- ная полемика; но и предметъ подвергшійся напа- денію, и самый способъ, которымъ произведено было нападеніе, вызвали насъ къ оборонѣ.

Въ этомъ узлѣ вопроса заключается изъясненіе и того обстоятельства — почему мы разсуждали о тѣхъ, а не о другихъ сторонахъ предмета, почему остановились на разсмотрѣніи только теоретиче- скихъ основъ предмета и не пускались въ область практическихъ разглагольствій столь желательныхъ нашему противнику. Онъ сдѣлалъ нападенія только на тѣ наши мнѣнія, которыя относились къ теоре- тической части вопроса, — и вотъ почему наша обо- рона ограничена только этою частію вопроса; вотъ почему мы не пускались въ обсужденіе его практи- ческихъ соображеній и предложеній.

Была и другая причина къ такому именно ограни-

ченію почвы обороняемаго нами предмета. Почтеннѣйшему противнику нашему извѣстно, что мы временно принадлежимъ къ составу совѣщательнаго, закрытаго учрежденія, дѣйствія котораго, по причинамъ не отъ насъ зависящимъ, не подлежатъ оглашенію и публичному обсужденію; а потому, если бы и желали, мы не можемъ развивать предъ нимъ наши проэктъы и мѣры нами предлагаемыя. Мы могли и имѣли возможность говорить единственно о томъ, что опубликовано безъ нашего вѣдома нашимъ противникомъ. Если бы мы не принадлежали къ составу упомянутаго учрежденія, тогда конечно не уклонились бы отъ вызова нашего противника. — Нашъ почтеннѣйшій противникъ не будетъ конечно спорить, что каждый членъ совѣщательнаго, закрытаго учрежденія имѣетъ право проводить свои убѣжденія только однимъ путемъ, именно путемъ предложенія ихъ прочимъ членамъ учрежденія и только имъ однимъ, а не публикѣ: ибо только при точномъ соблюденіи этого послѣдняго условія возможно соблюденіе и основныхъ условій учрежденія закрытаго и равноправности его членовъ. Если бы кто либо изъ членовъ такого учрежденія, кромѣ одного указаннаго пути, сталъ еще пользоваться публичною печатью, какъ средствомъ пропагандировать свои убѣжденія, онъ нарушилъ бы права прочихъ членовъ, какъ дѣйствующій двумя средствами противъ одного установленнаго. Равнымъ образомъ, если бы взгляды и мысли кого либо изъ членовъ такого учрежденія подверглись публичному опроверженію въ печати, — это послужило бы къ нарушенію его правъ и во вредъ ему: такой членъ

имѣлъ бы противъ своего мнѣнія и мнѣнія членовъ учрежденія и, сверхъ сего, то чего не имѣютъ противъ себя мнѣнія другихъ членовъ—стороннее, публично въ печати заявленное мнѣніе.

Нашему почтеннѣйшему противнику не угодно было остановиться на этихъ простыхъ, общечеловѣческихъ и общепринятыхъ соображеніяхъ, а напротивъ онъ призналъ благоразсуднымъ опубликовать положенія нами защищаемыя и подвергнуть ихъ публичному опроверженію и дискредитированію, само собою разумѣется, въ явный намъ ущербъ. Дабы возстановить хотя отчасти нарушенное имъ равновѣсіе нашего въ учрежденіи положенія и нашего права и имѣя въ виду важность самаго дѣла извращеннаго нашимъ уважаемымъ противникомъ—мы приступили къ нашей оборонѣ.

Таковъ узелъ вопроса и таковы мотивы вызвавшіе насъ на объясненія съ нашимъ почтеннѣйшимъ противникомъ. При такомъ разъясненіи начала настоящаго дѣла сразу перемѣняется передъ читателемъ картина и онъ видитъ иное распределеніе ролей въ настоящей исторіи, видитъ кто нападаетъ и кто обороняется, и не повѣритъ увѣренію нашего противника, будто мы на него напали (188). Надѣемся, что при данномъ разъясненіи происхожденія этого дѣла читатель не поставитъ намъ въ вину предъявленныя противъ насъ нашимъ противникомъ обвиненія—почему мы не разсуждали съ нимъ на практической почвѣ вопроса. Почему «сумали» «свали о его главѣ устройство церковнаго и свичего не говорили о своемъ, почему нигдѣ не «ознакомили нашихъ читателей съ его предположе-

«ніями и нигдѣ не высказывали нашихъ собственныхъ предположеній» (686) Требовать отъ насъ, чтобы мы разсуждали о томъ, о чемъ, по изъясненному выше положенію нашему, разсуждать мы не можемъ, — незаконно. А завѣдомо выводить изъ этого предъ публикою обвиненія служація къ подрыву нашего кредита — недобросовѣстно. Недобросовѣстно увѣрять читателей будто «умолчаніе наше «о нашихъ собственныхъ предположеніяхъ необходимо допущено нами для того, чтобы ввести читателя въ заблужденіе, будто нашъ противникъ «колеблетъ права епископовъ, проповѣдуетъ пресвитеріанство, сбить его съ толку и не дать ничего «опредѣленнаго, оставить въ совершенной пустотѣ «съ одними призраками» (686).

Возстановивъ точность этихъ фактовъ мы необходимо приглашаемъ нашего противника — изъяснить — есть ли хотя одно не точное слово въ нашемъ заявленіи?

Но и здѣсь еще не конецъ нашимъ прелиминаріямъ и не начало объясненія по существу представленныхъ противъ насъ обвиненій. Есть еще пунктъ, который мы почитаемъ нужнымъ разъяснить прежде, чѣмъ приступимъ къ объясненію по существу. Нашъ почтеннѣйшій противникъ въ своемъ противъ насъ обвинительномъ актѣ не довольствуется доказательствами нелѣпости или невѣрности нашихъ мыслей предъявленныхъ публично; онъ пускается въ психическія рекогносцировки и тамъ, въ этой не публичной области, приписываетъ разныя объясненія. Область литературныхъ любезностей, которыми могъ наградить и награ-

диль насъ нашъ уважаемыи, но жестокосерднѣйшій противникъ, слишкомъ достаточна и обширна, чтобы переходить еще за черту этой области, за предѣль, его же не прейдеши, какъ заповѣдано. Въ этой области подлежали комплинтамъ нашего уважаемаго противника — наши знанія, наши логическія способности, литературныя достоинства нашей апологіи. Но недостаточнымъ кажется это нашему уважаемому противнику, и онъ не почитаетъ не приличнымъ перейти запретную черту, и здѣсь находить, что мы писали нашу апологію «въ раздраженномъ, напуганномъ состояніи и однако же съ желаніемъ напугать другихъ, напустить страхъ «на всѣхъ (614), сбить съ толку (488, 518), что у «насъ воображеніе напуганное (494, 680), возбужденное и раздраженное (707), что мы дѣтски напуганы призраками своего собственнаго воображенія (681), что мы дѣйствуемъ подъ вліяніемъ призраковъ (681), что мы лично подвержены ересеманіи и стараемся заразить ею читателей, а онъ «считаетъ нужнымъ противодѣйствовать этой заразѣ (683, 684), что взглядъ нашъ отуманенъ» (517). Букетъ изрядный: всѣхъ цвѣтовъ по немногу. Опасный путь, и не потому чтобы мы боялись опубликованія нашего характера и нашей частной жизни. Въ этомъ отношеніи мы держимся и всегда держались того убѣжденія, что всякой, кому о томъ вѣдать надлежитъ, или всякой, кто нашимъ характеромъ или частною жизнію интересуется, можетъ лично съ нами познакомиться, или собрать свѣдѣнія на мѣстѣ нашего жительства по адресу сообщенному редакціею Правосл. Обозрѣнія (Ноябрь,

708), можетъ, если пожелаетъ опубликовать добытыя о насъ свѣдѣнія на страницахъ Правосл. Обозрѣнія, или гдѣ угодно. Опасность психическихъ развѣдокъ въ закрытой области мы усматриваемъ совсѣмъ съ другой стороны. По усмотрѣнной въ насъ нашимъ противникомъ раздражительности подобныя раскопки, произведенныя въ нашей психической области, могутъ и насъ вынудить къ прискорбному и крайне не желательному отступленію отъ одного изъ обще-признанныхъ и благодѣтельныхъ законовъ литературнаго приличія: — къ печатной полемикѣ не примѣшивать никакихъ внѣ-литературныхъ свѣдѣній и сплетней, — отъ умственныхъ недостатковъ не дѣлать публично никакихъ заключеній о нравственныхъ — хотя мы и заявили публично въ нашей апологіи (стр. 393), что по не-литературнымъ частямъ твореній нашего противника мы не будемъ объясняться. Всему мѣра, во всемъ нѣкоторое приличіе, и всякому терпѣнію есть конецъ. Скандаломъ не пропагандируется истина и искреннее убѣжденіе, и не всякій противникъ вынуждается къ молчанію.

Впрочемъ по одному, добытому авторомъ при психическихъ раскопкахъ, моему нравственному качеству я готовъ дать объясненіе сейчасъ же. Это моя раздражительность, которую такъ часто выставляетъ на видъ публики и такъ безпощадно эксплуатируетъ въ свою пользу мой противникъ. Я въ своемъ дѣлѣ, конечно, не судья. Но и мой противникъ въ настоящемъ случаѣ — такъ же сторона. Пусть насъ выслушаютъ присяжные — читающіе насъ люди компетентные, люди безпристраст-

ные. Я изъяснилъ выше, кому принадлежитъ починъ дѣла, первое нападеніе, какъ и при какихъ обстоятельствахъ оно совершено. Здѣсь я позволю себѣ представить моему почтеннѣйшему противнику слѣдующій анологъ: положимъ, что онъ представилъ въ Совѣтъ Университета записку, содержащую въ себѣ проэктъ, относящійся къ его специальности, и желалъ убѣдить этою запискою членовъ Совѣта къ принятію своего проэкта. Въ то время, когда дѣло находилось еще въ процессѣ, я сторонній, оффиціальнѣй спеціалистъ того же самаго предмета, такимъ или инымъ способомъ получилъ бы рукопись записки и въ публичной печати сталъ бы опровергать существенныя положенія его проэкта съ единственною, конечно, цѣлію повредить успѣху проэкта въ томъ мѣстѣ, гдѣ онъ могъ бы имѣть успѣхъ. Не полагаемъ, что бы нашъ почтеннѣйшій противникъ поставленный въ подобный казусъ сталъ отвѣчать намъ съ полнѣйшимъ равнодушіемъ и самообладаніемъ. Въ виду этого обстоятельства обвинять меня въ раздражительности, если бы такая и была, уважаемый противникъ не имѣлъ, по моему мнѣнію, никакого основанія. Могли осуждать меня за это читатели. Но я снесъ бы это осужденіе на себѣ молча и не сдѣлалъ бы никакой попытки къ оправданію, или къ извиненію себя, если бы мой уважаемый противникъ своею частою и жестокою эксплуатаціею моея раздражительности (мнимою, или дѣйствительною) не сдѣлалъ мнѣ къ тому настоящаго вызова. Я позволяю себѣ оставаться въ увѣренности, что присяжные, если и не вынесутъ вполне оправдательнаго вердикта по этому

пункту обвиненія, то непременно дадутъ мнѣ *полное снисхожденіе*. Кроме того я держусь такого мнѣнія, что обвиняющій другаго въ раздражительности, по крайней мѣрѣ въ то время, когда обвиняетъ, долженъ имѣть самообладаніе. Обвинительный же актъ, представленный противъ меня моимъ противникомъ, исчерпанъ такимъ множествомъ личныхъ противъ меня выходокъ, къ дѣлу не относящихся, что изобличаетъ въ немъ совершенный недостатокъ самообладанія, какого никогда, ни въ какомъ случаѣ и ни при какихъ обстоятельствахъ я неспособенъ допустить.

Но нужда налужитъ уже обратиться и къ пересмотру спорнаго вопроса по существу, къ разсмотрѣнію обвиненій заключающихся въ обвинительномъ актѣ противъ самой сущности представленной нами обороны.

На двухъ главныхъ образомъ пунктахъ мы сосредоточили нашу защиту принадлежности епархіальному архіерею судной власти. Мы указывали, что основанія сей принадлежности заключаются въ Словъ Божіемъ и церковныхъ правилахъ. Мы избрали эти именно пункты для защиты не произвольно, а потому, что на нихъ именно сдѣлано нападеніе нашимъ противникомъ въ его статьѣ напечатанной въ Мартовской книжкѣ Правосл. Обзор. 1871 года.

Но обвинительному акту предъявленному намъ въ Октябрѣ оказывается, что ни въ защищеніи, ни въ укрѣпленіи этихъ пунктовъ не было нужды, такъ какъ никакого нападенія на эти пункты произведено не было, и защитникъ былъ просто сумасшедшій.

Однако какъ же это въ самомъ дѣлѣ?

Уже одно то, что противъ сумасшедшаго предъ-
является обвинительный актъ, нѣсколько уясняетъ
дѣло. Съ сумасшедшими не объясняются; а если
стали объясняться,—значить тутъ что нибудь да
не даромъ.

Нашъ противникъ обладаетъ значительною лов-
костью и замѣчательною храбростью, а мы не прио-
бръли равнаго искусства распутывать сплетенные
имъ софистическіе узоры; такъ какъ составили
себѣ привычку о томъ, что почитаемъ истиннымъ
и въ чемъ убѣждены, говорить прямо и безъ увер-
токъ.—Такъ разсуждали мы, читая начало статьи
автора и думали: могло случиться, что мы ошиб-
лись, что авторъ, которому мы возражали, дѣйстви-
тельно и твердо признаетъ, что на основаніи Слова
Божія судная власть епархіальному епископу при-
надлежитъ несомнѣнно. Въ такомъ случаѣ, продол-
жали мы разсуждать, по дѣломъ достанется намъ
отъ автора, котораго мы оклеветали.

И дѣйствительно, нашъ противникъ открыто и
торжественно увѣряетъ и насъ и всѣхъ своихъ
читателей, что на судную власть епископа въ
христіанской церкви ни онъ и никто посягательствъ
не учинялъ (488), что въ Словѣ Божіемъ онъ не
находилъ только свидетельства для устройства цер-
ковнаго суда въ томъ видѣ, въ какомъ онъ является
въ Уставѣ Дух. Консисторій (490, 491), что онъ ни ма-
ло не спорить, что принадлежность церковносудной
власти епископу утверждается на ученіи Ап. Павла,
изложенномъ въ 5-й главѣ 1-го посланія къ Тимоѣю
и самъ неоднократно приводилъ его для доказа-

тельства, что уже въ основанныхъ Апостолами обществахъ предстоятели ихъ являются самостоятельными судьями въ церковныхъ отношеніяхъ (496). Слава Богу, подумали мы, дочитавши до половины 496 страницы обвинительнаго акта: дѣло улаживается; насъ побьютъ не много, потому что нельзя же отступить безъ бою; но затѣмъ мы придемъ къ миру вождельному, и мысль о принадлежности церковно-судной власти епархіальному епископу и о невозможности отнять ее у него—будетъ поставлена выше всякаго сомнѣнія. — Но здѣсь былъ конецъ нашему заблужденію. Изъ дальнѣйшихъ страницъ обвинительнаго акта оказалось, что авторъ всѣми сей часъ представленными признаніями только отводитъ намъ глаза. Онъ и не думаетъ согласиться съ нами, и своими фразами только насъ морочить.

Дабы неоставалось въ этомъ ни малѣйшаго сомнѣнія и въ виду необычайной храбрости нашего противника съ необычайнымъ для себя рискомъ незадумывающагося отрицать самыя неопровержимыя, приведенныя противъ него улики, мы находимъ себя вынужденными собрать изъ обвинительнаго акта и тѣ мѣста, въ которыхъ онъ увѣряетъ, что судную власть у епархіальнаго архіерея отнимать онъ не предлагаетъ и тѣ, въ которыхъ говоритъ, что епархіальный архіерей не долженъ имѣть судной надъ клириками своей епархіи власти, и сопоставить тѣ и другія *vis-à-vis*.

Нашъ противникъ не находитъ невозможнымъ въ одно и тоже время утверждать:

съ одной стороны:

1. „Посягательства на сущую „власть епископа въ христіанской „церкви ни я и никто, сколько из- „вѣстно, не учинялъ (Правосл „Обозр. 1871, 2, 488)“.

2. „Предлагая вѣнскую мѣру „относящуюся къ постановкѣ су- „дебнаго процесса. мы не изъясняя „ни малѣйшаго посягательства на „основныя права церковной іерар- „хіи“ (515, 516).

3. „Въ вопросѣ о выдѣленіи су- „дебной дѣятельности для особаго „управленія, о порученіи ея осо- „бнымъ самостоятельнымъ органамъ, „независающимъ отъ администраціи, „не можетъ быть и рѣчи о посяга- „тельствахъ на какое нибудь изъ су- „щественныхъ правъ не только всей „церкви, но и синодскаго сана, „такихъ правъ, безъ которыхъ по- „слѣдній утратитъ бы свой іерар- „хическій характеръ, ибо дѣло идетъ „не о правахъ сана, а о вѣншей „постановкѣ епархіальнаго началь- „ника, стоявшей подъ вліяніемъ „чисто вѣншихъ, случайныхъ усло- „вій и удалившей его отъ перво- „начальнаго основнаго типа“ (500).

4. „Предположеніе, будто отни- „маютъ судную власть у еписко- „повъ—произвольно: ни я и никто „неизъявлялъ посягательства на су- „дную власть епископовъ въ церкви „(681)“.

5. „Произвольно и вразумо вни „паче реніе отнять судную власть „въ церкви у епископа и сосредото- „чить ее въ пресвитерствѣ. Рѣчь „идетъ не объ отнятій власти а „объ ослабленіи бюрократической

съ другой стороны:

1. „Невозможно, при настоящемъ „усложненіи церковной жизни, со- „средоточивать въ однихъ рукахъ „самую разнородную дѣятельность, „какъ существуетъ это въ нашемъ „спарх. вѣдомствѣ, чѣмъ ника- „кихъ догматическихъ препятствій „къ отдѣленію судебныхъ отпра- „вленій отъ административныхъ, ко- „торыя соединены теперь въ рукахъ „одного лица (Прав. Обзор. 1871, „2, 487, 488)“.

2. „Единственное надежное сред- „ство противъ централизациі всѣхъ „видовъ власти въ однохъ лицѣ „епархіальнаго начальника заклю- „чается въ томъ, чтобы, различивъ „въ духовномъ судѣ правосѣную „одну сторону отъ чисто юридичес- „кой, выдѣлить послѣднюю, т. е. про- „цессуальныя отправленія суда, и „поставить независимо отъ всякаго „вмѣшательства администраціи, по- „тому что эти двѣ дѣятельности, „при настоящемъ положеніи цер- „ковнаго управленія, не могутъ быть „соединены въ однихъ рукахъ безъ „обязательнаго ущерба для той и дру- „гой, и въ особенности для право- „судія. Для цѣлей правосудія не- „обходимо, чтобы судъ былъ постав- „ленъ самостоятельно, независимо „отъ управленія“ (492).

3. „Вопросъ о раздѣленіи суда и „администраціи въ епархіальномъ „вѣдомствѣ возникъ не изъ догма- „тическихъ разногласій, а изъ не- „нормальнаго развитія централизациі „въ епархіальномъ управленіи и- „шемъ и направленъ къ ограниче-

„централизаціи въ нашемъ епархі-
„альномъ вѣдомствѣ“ (686)

6. „Можно ли, следуя законамъ
„простой логики, говорить объ от-
„нятіи судной власти у епископа
„на томъ основаніи что, сохраняя
„всѣ высшія права ея, участвуя
„по назначенію церковной власти,
„въ отправленіяхъ двухъ высшихъ
„инстанцій, епископъ не будетъ не-
„посредственно вмѣшиваться въ дѣла
„двухъ низшихъ? Изъ того, что
„епископъ не будетъ ни мировымъ
„судьей, ни членомъ епархіальнаго
„суда, а будетъ, по усмотрѣнію
„высшей власти, принимать участіе
„въ дѣятельности двухъ важнѣй-
„шихъ инстанцій, сосредоточиваю-
„щихъ въ себѣ всѣ окончательныя
„рѣшенія по важнымъ дѣламъ, мож-
„но ли по законамъ логики выво-
„дять, что епископъ совсѣмъ не
„имѣетъ судной власти, она отни-
„мается у него“ (691)?

7 „Раздѣленіе суда и админис-
„траціи въ епарх. вѣдомствѣ не
„означаетъ отнятія судной власти
„у епископа“ (705).

„нію произвола и личнаго усмотрѣ-
„нія власти“ (494).

4. „Существо вопроса о раздѣ-
„леніи суда и администраціи въ
„епарх. вѣдомствѣ состоитъ въ томъ,
„чтобы основать современный судъ
„надъ духовенствомъ въ официаль-
„ныхъ, служебныхъ его отношеніяхъ
„на строго юридическихъ началахъ,
„выработавъ для него такой про-
„цессъ, который по возможности
„отражаетъ бы судъ не только отъ
„произвола администраціи, но и отъ
„вѣдныхъ вліяній и цѣлей, кромѣ
„тѣхъ, которыя должно преслѣдовать
„правосудіе. Для этой цѣли пред-
„ставляется необходимымъ выдѣлить
„судобную дѣятельность изъ того
„хаотическаго смѣшенія, въ какомъ
„она находится въ епарх. вѣдом-
„ствѣ, освободить судъ отъ давле-
„нія администраціи, поставить само-
„стоятельно и независимо. Отсюда
„возникать другой практической во-
„просъ, можеть ли епарх. архіерей,
„обремененный множествомъ дру-
„гихъ и при томъ гораздо болѣе
„важныхъ обязанностей нести на
„себѣ дольную часть въ новомъ
„открытомъ и гласномъ судѣ, не-
„прямьно требующемъ постояннаго
„и личнаго участія и непосредствен-
„наго изученія дѣлъ не по бума-
„гамъ, а на лицо предъ подсудимы-
„ми? Ничь касается это не воз-
„можнымъ фактически, помимо вну-
„трянней несообразности, лежащей
„въ самомъ принципѣ соединенія
„двухъ разнородныхъ дѣятельностей.
„Поэтому совершенно серьезно я
„высказываю мысль о необходи-
„мости освободить нашихъ архіе-
„реевъ отъ занятій судебнымъ дѣло-
„производствомъ“ (495)

5. „Небудеть ничего несообразнаго, если современная церковная власть поручить вышнее судопроизводство особымъ, отдѣльнымъ отъ администраціи органамъ — въ санѣ пресвитерскомъ въ двухъ низшихъ (т. е. епархіальныхъ) инстанціяхъ“ (501, 502).

6. „Для насъ не можетъ имѣть значенія неприкосновенной церковной святости это сжѣшеніе суда съ администраціей, господствовавшее въ древней церкви, какъ и во всемъ византійско-римскомъ мірѣ... Поэтому было бы большою ошибкою усмиваться, вопреки разумнымъ требованіямъ современной мысли и жизни, сохранить эти идеи и формы при современныхъ преобразованіяхъ потому только, что онѣ нашли себѣ мѣсто въ церковномъ канонѣ“ (506).

7. „Сжѣшеніе суда и управленія въ одномъ лицѣ я не признаю относящимся къ существу церковнаго устройства и управленія“ (509).

8. „Въ отправленіяхъ двухъ низшихъ инстанцій (т. е. епархіальныхъ) епископы не участвуютъ, если они суть въ тоже время и административные начальники надъ членами суда“ (685).

9. „Весь вопросъ въ томъ, чтобы епископъ не участвовалъ непосредственно въ судебныхъ отправленіяхъ тѣхъ низшихъ несокончательныхъ инстанціяхъ, члены которыхъ суть ближайшіе и непосредственные его подчиненные“ (690).

10. „Какъ духовная сторона судной власти преподается пресвитеру чрезъ епископа, такъ и право вышняго суда преподается ему,

„по уполномоченію, отъ собора
 „епископовъ презъ тоже посредство;
 „разность будеть гоько въ томъ,
 „что епарх. начальникъ не будеть
 „имѣть возможности заправлять мѣ-
 „ніями членовъ въ новыхъ судеб-
 „ныхъ учрежденіяхъ, какъ заправ-
 „ляетъ онъ теперь членами консис-
 „торіи“ (692, 693).

Читатель, имѣющій предъ глазами эти противоположныя, взаимно себя уничтожающія заявленія нашего противника, безъ сомнѣнія, придетъ въ немалое изумленіе и затруднится дать себѣ объясненіе того—какимъ образомъ одно и тоже лицо, въ одно и тоже время, въ одномъ и томъ же мѣстѣ (или статьѣ) можетъ утверждать, что епископъ не долженъ участвовать въ судѣ двухъ нисшихъ, т. е. епархіальныхъ инстанцій, и что это не означаетъ отнятія судной власти у епископа. Затрудняемся дать какое либо объясненіе этому явленію и мы: и для насъ это составляетъ одну изъ величайшихъ загадокъ.

Но нужно приступить къ отвѣту на обвиненія направленные противъ насъ нашимъ обвинителемъ.

Досель, основываясь строго и буквально на словахъ нашего противника, мы полагали, что онъ различаетъ только два вида суда—внутренній, онъ же и нравственный, и внѣшній, онъ же и юридическій. Нынѣ въ первой части своего обвинительнаго противъ насъ акта онъ заявляетъ, что онъ различаетъ три вида суда—внутренній, внѣшній и юридическій и за тѣмъ уличаетъ насъ въ путаницу нашихъ понятій. Онъ говоритъ: «мой критикъ думаетъ, будто я полагаю, что Апостоль разумѣть

«здесь судъ внутренний, нравственный, а не внѣш-
 «ннй, юридическй и употребляетъ всѣ усилія къ
 «тому, что бы доказать, что разумѣется здѣсь не
 «внутреннй судъ, а внѣшнй. Напрасный трудъ,
 «который не былъ бы предпринять, если бы не
 «произошло путаницы въ понятіяхъ моего критика,
 «изъ которой потомъ родилось и мнимое противо-
 «рѣчіе, въ которомъ онъ торжественно уличаетъ
 «меня... Нигдѣ я не подавалъ повода смѣшивать
 «внутреннй судъ съ нравственнымъ, а внѣшнй съ
 «юридическимъ, какъ это постоянно дѣлаетъ мой
 «критикъ». (496). — Однако позвольте, мой почтен-
 «нѣйшій противникъ. Въ мартовской книжкѣ Прав.
 «Обозр. на страницѣ 331 строк. 13, 14, 15 сверху,
 «вы говорите буквально слѣдующее: *«Какъ Апо-
 «столь, такъ и ученикъ его возвращаются въ области
 «нравственныхъ понятій, разумлютъ судъ нрав-
 «ственный, а не внѣшнй, юридическй»*. Правъ ли
 «я былъ, когда на основаніи этого показанія вашего
 «и въ точнѣйшей съ нимъ сообразности заключалъ,
 «что вы различаете только два вида суда — нрав-
 «ственный и внѣшнй юридическй? Полагаю, что
 «даже и вы просмотрѣвъ эти ваши слова не рѣши-
 «тесь отрицать, что внѣшнй и юридическй судъ
 «вы отождествляли и противоположали нравственному
 «суду. А такимъ образомъ окажется напраснымъ не
 «мой трудъ, а ваша подтасовка, какъ не достигаю-
 «щая цѣли. Чѣго нынѣ вы думаете иначе — это къ
 «дѣлу не относится: я объяснялся съ вами по по-
 «воду мартовской вашей статьи, а не октябрьской.
 «Черезъ семь мѣсяцевъ вы можете отыскать, кромѣ
 «трехъ видовъ суда, еще четвертый, — потомъ пятый

и т. д. Это ваша воля. Но нельзя же уличать противника съ точки зрѣнія будущаго, а не прошедшаго.—Притомъ, и въ нынѣшнемъ видѣ, т. е. при различеніи отъ внѣшняго суда еще суда юридическаго, нашъ противникъ нисколько не выигрываетъ. Мы старались доказать именно, что Апостоль въ пререкаемомъ мѣстѣ говоритъ не только о судѣ внѣшнемъ, но и юридическомъ. Мы писали именно слѣдующее: «въ существѣ и содержаніи, равно какъ «и въ самомъ образѣ выраженій въ разсматриваемыхъ словахъ Апостола заключается яснѣйшее доказательство, что здѣсь идетъ дѣло о судѣ, какъ «о судѣ, т. е. какъ внѣшнемъ открытомъ судѣ, «юридическомъ, а не о внутреннемъ, совѣстномъ, «какой бываетъ на исповѣди». Апостоль говоритъ «о юридическихъ предметахъ юридическими терминами. Онъ говоритъ 1) о принятіи обвиненія (*παράδξεσθαι τ. κατηγορίαν*, *admittere ad accusationem*. «Vid. Brisson. Calvin. Сравн. Лук. 6, 7; Иоан. 18, 20)—«юридическомъ судебномъ дѣйствіи, составной части «судебнаго процесса, которую и обозначаетъ юридическимъ терминомъ; 2) о свидѣтеляхъ (*μάρτυρες*, «*testes*), число которыхъ для даннаго случая опредѣляетъ согласно съ тѣмъ, какъ это требовалось «ветхозавѣтнымъ судебнымъ процессомъ (Второз. «19, 15. Сравн. Златоуста), 3) объ изобличеніи или «разоблаченіи дѣянія согрѣшающаго (*ἐλέυχω*, *arguo*, «*ἐλέυχος* — *argumentum*. Brisson. Calvin). Опять терминъ юридическій, принадлежащій къ области «внѣшняго, а не тайнаго суда; 4) о производствѣ «его юридическаго дѣйствія, или изобличенія публично передъ всеми (*ἐνώπιον πάντων*); 5) о ѣвѣн

«такого дѣйствованія судомъ, которая, по Апостолу, «должна состоять въ устрашеніи другихъ (*ἵνα καὶ οἱ λοιποὶ φόβον ἔχωσι*). И публичность производства суда и устрашеніе—очевидно никакимъ образомъ не могутъ принадлежать къ понятію внутренняго суда и составляютъ атрибуты суда внѣшняго. — Наконецъ б) Апостоль, призывая во свидѣтели Господа Иисуса Христа и Ангеловъ, даетъ заповѣдь Тимоѳею производить судъ безъ предубѣжденія (*πρόκριμα* — *praejudicium* — Vid. Calvin. «Brisson.) и безъ пристрастія къ одной которой либо изъ двухъ сторонъ (*πρόβησις* — *inclinatio in alteram partem*). Конечно, первая часть заповѣди можетъ относиться и къ тайному суду; но заповѣдь, заключающаяся въ послѣднемъ словѣ, очевидно, относится только къ внѣшнему суду, на которомъ бываютъ двѣ стороны, а не къ внутреннему, на которомъ всегда одна сторона» (334, 335). Вотъ что мы писали, и за тѣмъ привели свидѣтельства, что не мы одни такъ изъясняемъ слова Апостола, но и другіе, между прочимъ весьма компетентные люди. (напр. Златоустъ стр. 336, 337). Кто бы могъ обвинить насъ, будто въ разсматриваемыхъ словахъ Апостола мы видимъ не юридическій судъ? Если не во всѣхъ случаяхъ употребляемъ мы терминъ: *юридическій*, а вмѣсто того ставимъ слово: *внѣшній*; то слѣдуемъ въ этомъ терминологіи нашего почтеннѣйшаго противника и никакимъ образомъ не предполагали не-юридическаго внѣшняго суда. Что же однако выходитъ въ ловкихъ рукахъ нашего противника? Выходитъ нечто совершенно неожиданное: онъ обвиняетъ насъ

за свою собственную, ему принадлежащую терминологию, которую мы употребили по его слѣдамъ; въ этомъ виднѣть всю бѣду и на этомъ только основываетъ для себя выходъ изъ затрудненія, въ которое себя поставилъ. Онъ говоритъ, что ни на минуту не сомнѣвался, что Апостоль говоритъ о судѣ внѣшнемъ, а не о внутреннемъ, но разумѣть, что этотъ внѣшній судъ былъ основанъ на нравственныхъ, а не на юридическихъ началахъ (197). О нашемъ изъясненіи дѣласть общее замѣчаніе, что оно предпринято въ слѣдствіе путаницы въ нашихъ понятіяхъ и не яснаго различенія нами нравственнаго отъ юридическаго, и за тѣмъ не удостоиваетъ его ни малѣйшаго вниманія. О приведенныхъ нами доказательствахъ говоритъ, что это такой матеріалъ, отъ котораго нужно расчистить дорогу, т. е. мусоръ (191). Какъ легко подобнымъ образомъ управляться съ противниками! Махнулъ направо. — вышла путаница понятій, махнулъ вальво — является неясное различеніе понятій, ударилъ прямо — оказался мусоръ. Предъ подобнымъ Геркулесомъ — всякой окажется безсильнымъ. Но полагать нужно, что сказочные богатыри нынѣ никого не испугаютъ; и дѣти нынѣ плохо вѣрятъ сказаніямъ чудо-богатырей о своихъ подвигахъ: такой скептическій вѣкъ!

Управившись такимъ порядкомъ съ нашими изъясненіями и представленными отъ насъ доказательствами нашъ противникъ обращается къ развитію своихъ взглядовъ и сужденій. Онъ полагаетъ, что въ «Свящ. Писаніи можно и должно искать высокаго изображенія духовно-нравственныхъ качествъ христіанскаго епископа и его служенія въ церкви.

«но нельзя искать начальственно - официальных и «бюрократических элементов, из которых, благодаря разным обстоятельствам, сложился у нас тип епархиального начальника. Этого типа «не найдемъ въ откровеніи: онъ есть продуктъ житейскихъ условій (497). Для суда, въ юридическомъ «смыслѣ, мы не находимъ въ священныхъ книгахъ «никакихъ указаній; въ нихъ ничего не говорится «ни объ организациіи судебной власти, ни о формахъ судебной дѣятельности.... Судъ епископа, основанный на нравственныхъ началахъ, вполне согласовался съ теми отношеніями членовъ первоначальныхъ христіанскихъ обществъ между собою, въ которыхъ не было ничего официального въ нашемъ смыслѣ и никакихъ чисто бюрократическихъ элементовъ, внесенныхъ въ церковь послѣдующими вліяніями (498)... Судъ существовавшій «въ древней христіанской церкви и основанный преимущественно на нравственныхъ началахъ не возвратимъ въ современность.... Если такимъ образомъ къ условіямъ современной церковной жизни не можетъ быть примененъ древній церковный судъ, «пропущенный чисто нравственными началами: «и если съ другой стороны существующій духовный судъ не соответствуетъ ни своей первоначальной идее, ни современному юридическому «понятію, ни потребностямъ церковной жизни: «то единственно возможнымъ выходомъ изъ этого «тяжелого, практически вреднаго противорѣчія представляется раздѣленіе въ духовномъ судѣ двухъ «сторонъ, находящихся теперь въ полномъ смѣшеніи, стороны нравственной отъ юридической. Пер-

«свая согласно съ первоначальной и основною идеею церковнаго суда должна неотъемлемо принадлежать епископу и вполне сообразна съ духовнымъ характеромъ его сана. Вторая, какъ возникшая въ слѣдствіе историческихъ потребностей церковной жизни, можетъ быть поставлена отдѣльно.» (499).

Таковъ проэктъ предложенный нашимъ уважаемымъ противникомъ.

Прежде чѣмъ изъяснять наше мнѣніе объ этомъ проэктѣ по существу, мы должны обратить вниманіе читателей на непостижимую смутанность выраженій автора, въ предупрежденіе всякихъ съ его стороны перетолкованій, къ которымъ онъ имѣетъ столь несчастную привычку. На тридцати строкахъ, объ одномъ и томъ же предметѣ нашъ противникъ упоминаетъ три раза и всякій разъ не въ однихъ и тѣхъ же терминахъ. Судъ епископа древней церкви въ первый разъ онъ называетъ основаннымъ *на нравственныхъ началахъ*; чрезъ 18 строкъ называетъ судъ древней церкви основаннымъ *преимущественно на нравственныхъ началахъ*; за тѣмъ еще чрезъ нѣсколько строкъ называетъ древній церковный судъ проникнутымъ *чисто нравственными началами*. Читатель имѣющій нужду въ точномъ уразумѣніи мысли автора поставленъ въ рѣшительное недоумѣніе: на чемъ основанъ былъ древній судъ? Чисто ли на нравственныхъ началахъ, или преимущественно, или просто?

Намъ представляется образнѣйшимъ съ мыслию автора заключить, что онъ разумѣетъ древній церковный судъ основаннымъ исключительно на нравственныхъ, а не юридическихъ началахъ. Со-

образно съ такимъ толкованіемъ мысли автора мы находимъ, что онъ совершенно неправъ. Какой самый существенный отличительный признакъ нравственнаго отъ юридическаго? Признакъ внѣшней принудительности, присущій послѣднему и чуждый первому. Нравственное сознание прирождено, имманентно человѣческой натурѣ и есть всеобщее свойство человѣческаго рода. Оно открываетъ каждому челоуьку его нравственныя обязанности и принуждаетъ внутреннимъ, также моральнымъ, принужденіемъ исполнять ихъ единственно потому, что это нравственныя обязанности. До тѣхъ поръ, пока никакая юридическая норма не объявляетъ нравственнаго долга принудительно-и-внѣшне-обязательнымъ, до тѣхъ поръ никакой внѣшній судья не приметъ къ своему разсмотрѣнію жалобу на неисполненіе такой обязанности, напр., на неисполненіе обязанности подавать милостыню или не мучить животныхъ. Но когда таже самая нравственная обязанность превращается въ юридическую норму, когда обязанность подавать милостыню, или не мучить животныхъ внесена, положимъ, въ сводъ законовъ съ яснымъ опредѣленіемъ послѣдствій ея неисполненія; тогда ни одинъ судья не можетъ отказаться отъ разсмотрѣнія жалобы на неисполненіе этой обязанности и будетъ дѣйствовать въ семь случаевъ уже на юридическихъ началахъ.

Были ли такія юридическія нормы въ христіанской церкви съ самаго ея начала?

Ни въ какомъ случаѣ подобный вопросъ не могъ быть предложенъ серьезно, если бы не было напечатано въ высшей степени странной софистики

нашего почтеннѣйшаго противника. Безъ юридическихъ нормъ, безъ юридическихъ началъ и основъ не можетъ существовать никакое общество. Могло ли же существовать безъ этихъ нормъ и основъ такое общество, какъ христіанская церковь, съ самаго перваго появленія въ міръ заявившая о своемъ всемірно-историческомъ призваніи (*шедше научите вся языки*)? Для достиженія своихъ цѣлей, для выполненія своихъ задачъ (могли ли христіанская церковь не имѣть своего юридического суда? Когда есть юридическія нормы, непременно долженъ быть и юридическій судъ. Таковы самыя общія и основныя соображенія, приводящія къ убѣжденію въ необходимости существованія въ церкви юридическихъ нормъ изначала, и въ необходимо связанномъ съ нимъ существованіи юридического суда.

Нужно ли говорить, что это такъ было и въ дѣйствительности? Все сюда относящееся должно быть въ подробности извѣстно нашему уважаемому противнику: въ каждомъ учебникѣ каноническаго Права говорится о каноническихъ, или юридическихъ нормахъ, содержащихся уже въ Священномъ Писаніи. И въ каждомъ же учебникѣ говорится и о томъ, что предписаны въ Словѣ Божіемъ нѣкоторыя правила юридического суда и находятся примѣры такого суда. Спаситель запрещаетъ напр. обиду ближняго подъ страхомъ отлученія отъ общества христіанъ. Вотъ уже и юридическая норма. Тутъ же предписываются Спасителемъ и главныя части процесса, какой долженъ имѣть мѣсто въ случаѣ отступленія отъ указанной юридической

нормы *Аще согрѣшитъ къ тебѣ братъ твой, иди и обличи его между тобою и тѣмъ единѣмъ. Аще тебе послушаетъ, приобрѣлъ еси брата твоего: аще ли тебе не послушаетъ, пойми съ собою еще единаго или два: да при устьхъ двою, или тріехъ свидѣтелей станетъ всякъ глаголь. Аще же не послушаетъ ихъ, повѣждь церкви: аще же и церковь преслушаетъ, буди тебѣ якоже язычникъ и мытарь. Аминь бо глаголю вамъ: елика аще свяжете на земли, будутъ связана на небеси: и елика аще разрѣшите на земли, будутъ разрѣшена на небестхъ* (Матт. 18, 15—18). Какъ ни непріятно нашему уважаемому противнику, когда мы пользуемся его собственными словами въ разъясненіи спорныхъ вопросовъ; но мы не можемъ и на этотъ разъ не воспользоваться его толкованіемъ приведенныхъ словъ Спасителя, которое мы привели и въ первой нашей апологін. Вотъ какъ изъясняетъ оныя, а вмѣстѣ съ нимъ и мы, приведенныя слова Спасителя: «последнія слова Спасителя, неоднократно повторяемая имъ при другихъ случаяхъ, имѣютъ особенное значеніе, какъ ясное выраженіе Божественнаго полномочія даруемаго церкви *судить и наказывать изверженіемъ изъ своей среды непокорныхъ членовъ своихъ*. Въ такомъ именно смыслѣ понимались всеми отцами церкви выраженія: *вязать и рѣшить*. Такимъ образомъ источникъ судебной власти лежитъ не внѣ церкви, не сообщенъ ей какою либо внѣшнею властію, капр. государствомъ, но принадлежитъ ей самой неотъемлемо, не раздѣленъ съ самою ея природою и существованіемъ. *Что въ словахъ Спасителя*

идеть рѣчь не объ одномъ судѣ совѣсти, судѣ надъ внутренними помыслами и душевными расположеніями, но разумѣется судѣ надъ вѣншими, общественными отношеніями, внутри церкви, между ея членами—это очевидно изъ прямаго смысла словъ: говорится не о тайномъ грѣхѣ, но о дѣйствіи направленномъ противъ брата, о средствахъ къ примиренію, о свидѣтеляхъ, о публичномъ судѣ предъ цѣлымъ обществомъ церковнымъ.» (Мы отъ себя формулировали бы это толкованіе такъ: здѣсь въ сущности указано уже все, чего требуетъ судебный процессъ: обвинитель, обвиняемый, судья, судебное разбирательство, приговоръ и исполненіе). «Эти слова послужили въ послѣдствіи основаніемъ для церковнаго суда какъ въ отдѣльныхъ христіанскихъ обществахъ, такъ и въ цѣлыхъ епархіяхъ, на соборахъ областныхъ, помѣстныхъ и вселенскихъ. Церковь дѣйствовала на нихъ не въ силу какого нибудь вѣншняго полномочія, но въ силу своей собственной власти, данной ей самимъ Основателемъ. Потому уже въ основанныхъ Апостолами обществахъ христіанскихъ, предстоятели ихъ являются самостоятельными судьями въ церковныхъ отношеніяхъ. Апостолъ Павелъ дѣлая Тимоеею различныя наставленія объ устройствѣ Ефесской церкви, предписываетъ не иначе принимать обвиненіе на пресвитера, какъ при двухъ, или трехъ свидѣтеляхъ (1 Тим. 5, 19.). Этого прасила древняя церковь строго держалась въ судѣ надъ членами клира» Правосл. Обзор. 1870 г. ч. 2 стр. 310, 311). За снмъ въ общемъ выводъ изъ разсмотрѣнія всѣхъ

мѣсть Священнаго Писанія о церковномъ судѣ нашъ почтеннѣйшій противникъ говоритъ: изъ этихъ особенно важныхъ «указаній новозавѣтныхъ священныхъ книгъ относительно суда надъ христіанами должны быть выведены такіе результаты: съ самаго начала существованія церкви внѣшній самостоятельный судъ внутри церковнаго общества по дѣламъ касающимся вѣры, нравственности и внутреннихъ церковныхъ отношеній принадлежитъ власти установленной въ церкви; полномочіе дано Апостоламъ, а ими передано преемникамъ вмѣстѣ съ другими правами» (Правосл. Обзор. 1870 сент. стр. 313).

Судъ, послѣдствіемъ котораго, и по мнѣнію нашего почтеннѣйшаго противника, можетъ быть изверженіе изъ церкви, судъ съ обвинителемъ, со свидѣтелями, публичный предъ цѣлымъ обществомъ церковнымъ, неужели такой судъ не есть судъ юридическій? Если это не есть судъ юридическій, если не юридическій судъ и тотъ, котораго образъ начертанъ Апостоломъ Павломъ въ 1-мъ посланіи къ Тимошею; то мы, по нашему крайнему разумѣнію, не знаемъ юридическаго суда, не имѣемъ объ немъ понятія, и просили бы искренно нашего уважаемаго противника повѣдать міру секретъ юридическаго суда. Чистосердечно увѣряемъ его, что это новое и никому не вѣдомое открытіе прославило бы его не только у современниковъ, но и въ потомствѣ. Изъ однихъ же голыхъ фразъ, что это судъ юридическій, а это не юридическій, и мы, и никто во всемъ мірѣ ничего не усмотритъ.

По тѣмъ же соображеніямъ, раздѣляемымъ и со

стороны уважаемаго противника, мы не можем согласиться съ нимъ и въ томъ, будто только «нравственная сторона церковнаго суда для своего отправленія требуетъ духовныхъ благодатныхъ даровъ (*права вязать и рѣшить*), полнота которыхъ заключается въ епископствѣ; а юридическая сторона можетъ бытъ поручена церковною властію различнымъ органамъ, производиться въ различныхъ формахъ по требованію временныхъ обстоятельствъ церковной жизни, и къ догматическихъ основаніямъ церковнаго устройства не относится» (500). Та и другая сторона церковнаго суда, по нашему мнѣнію, утверждается на одномъ и томъ же основаніи, именно на данной Христомъ Спасителемъ Апостоламъ и ихъ преемникамъ власти вязать и рѣшить. Это признаютъ, по утверженію почтеннѣйшаго противника нашего, всѣ Отцы церкви, признастъ и самъ онъ. Вотъ что онъ говоритъ: Слова Спасителя (*елика аще свяжете на земли, будутъ связана на небеси, и елика аще разрѣшите на земли, будутъ разрѣшена на небесахъ*), неоднократно повторяемая имъ при другихъ случаяхъ, имѣютъ особенное значеніе, какъ ясное выраженіе Божественнаго полномочія, даруемаго церкви судить и наказывать изверженіемъ изъ своей среды непокорныхъ членовъ своихъ. Въ такомъ именно смыслѣ понимались всѣми отцами церкви выраженія: вязать и рѣшить. Такимъ образомъ источникъ судебной власти лежитъ не внѣ церкви, не сообщень ей какою либо внѣшнею властію, напр.

государствомъ, но принадлежитъ ей самой неотъемлемо, нераздѣленъ съ самою ея природою и существованіемъ (Прав. Обзор. 1870, 2, 310).

Судъ церкви въ церковныхъ дѣлахъ и отношеніяхъ и надъ членами клира имѣеть самостоятельное происхожденіе, и его источникъ лежитъ въ Божественныхъ полномочіяхъ (стр. 311). Въ самомъ обвинительномъ противъ насъ актѣ нашъ обязательнѣйшій противникъ, вѣроятно, по забвенію подтверждаетъ ту же самую мысль. На стр. 689, 690 (Прав. Обзор. 1871, 2) онъ говоритъ: „Духовно-нравственную сторону церковно-судной власти канонисты относятъ къ власти, или правамъ сана, внѣшне-правительственную, по которой епископъ судить церковно-служебныя и должностныя отношенія членовъ церкви и ея служителей противъ законовъ церковнаго благоустройства и благочинія, къ правамъ юрисдикціи. Последняя имѣеть свой корень и основаніе въ первой“.

Обязательный противникъ нашъ, какъ при первой нашей апологіи облегчалъ намъ трудъ защищенія истинныхъ и церковныхъ началъ противъ его же собственныхъ нападеній, такъ и нынѣ не перестаетъ быть любезнымъ въ томъ же смыслѣ. Онъ утверждаетъ, что всѣ Отцы церкви и онъ самъ въ словахъ Спасителя: *вязать и рѣшить* видятъ выраженіе Божественнаго полномочія, даруемаго Церкви *судить и наказывать изверженіемъ изъ своей среды* непокорныхъ членовъ своихъ, т. е. полагать крайнія церковныя наказанія, и что за пределами сего полномочія, внѣ суда, утверждать можно на даро-

ванной Спасителемъ власти вязать и рѣшить, начинаются полномочія другой великой силы—государства. Утверждаемое на Божественныхъ словахъ: вязать и рѣшить—церковное; не утверждаемое на сихъ словахъ—государственное. Кажется, ни малѣйшаго не можетъ быть сомнѣнія, что нашъ почтеннѣйшій противникъ такъ мыслить. А если такъ, то и измышленная имъ юридическая сторона церковнаго суда, не утверждающаяся на полномочіи заключающемся въ словахъ Спасителя (*вязать и рѣшить*), должна совсѣмъ отойти изъ церковной области въ государственную. Церковь можетъ дѣйствовать только на основаніи Божественныхъ полномочій и въ предѣлахъ сихъ полномочій. Тамъ, гдѣ окончились ея полномочія, должны явиться другія полномочія—государственные. Такимъ образомъ юридическій судъ Церкви (разъясненіе существа и свойства котораго ожидается отъ нашего уважаемаго противника) долженъ отойти отъ Церкви къ государству. Угрожающія фразы его: «отчислите іерархію со всѣмъ кругомъ ея церковныхъ отношеній изъ вѣдомства церковнаго суда—и вы создадите изъ нея чиновничество» (505) не спасутъ дѣла: фразы всегда останутся фразами. Есть люди не боязливые, люди грубые, недовѣрчивые, которые не вѣрятъ самымъ ласкающимъ фразамъ, а требуютъ основаній, или чего нибудь изъ мусора сваленнаго за бортъ; а всего сего и не имѣется. Нашъ почтеннѣйшій противникъ изволить утверждать, что только власть суда нравственнаго должна неотъемлемо принадлежать епископу и вполне сообразна съ духовнымъ характеромъ его сана, и т. д.; юридическая же, какъ воз-

никая въ слѣдствіе историческихъ потребностей церковной жизни, можетъ быть поставлена отдѣльно, что она есть временная, измѣняющаяся, не имѣющая прямой связи съ существомъ Церкви; можетъ проявляться въ тѣхъ, или другихъ формахъ, можетъ быть поручаема церковною властію различнымъ органамъ. Такъ онъ утверждаетъ; но доказательствъ своей мысли не приводитъ, заставляя всѣхъ вѣрить ему на слово. Однако же да позволено будетъ нѣкоторымъ лицамъ нѣкоторый скептицизмъ. Нѣкоторые лица не во всемъ вѣрують фразѣ, и не почитаютъ ее всеспільною. Дайте кромѣ фразы маленько и мусору, какъ вы называете доказательства, хоть такъ для любителей.

Но станемъ на минуту на точку зрѣнія нашего почтеннѣйшаго противника и посмотримъ, что выйдетъ изъ принятыхъ имъ положеній. Церковный судъ по преступленіямъ духовныхъ лицъ не есть священно-дѣйствіе, по его понятію. Онъ относится къ области внѣшнихъ церковныхъ порядковъ, и церковная власть, по своему усмотрѣнію, можетъ поручать эту власть тому, или другому церковному органу, руководствуясь единственно практическими соображеніями. Прекрасно. Если это такъ; то я нахожу, что всего удобнѣе, всего практичнѣе, поручить судебную власть не кому иному, какъ діаконамъ. Діаконъ самое свободное, наименѣе занятое изъ всего церковнаго причта лицо. Во многихъ дѣйствіяхъ и требахъ, совершаемыхъ непременно священникомъ, діаконъ не участвуетъ, или можетъ не участвовать.—Ему, какъ наиболее свободному изъ всѣхъ членовъ причта лицу, и поручить судъ: архі-

ерей обремененъ дѣлами, священникъ занять; всѣхъ свободнѣе діаконъ. Такъ ли, мой почтеннѣйшій противникъ? На практической почвѣ, вашими усиліями расчищенной отъ мусора, какъ вамъ угодно называть доказательства отъ Писанія, правилъ и преданія, — вы не опровергнете этого предложенія и не докажете, что діаконъ болѣе занять, чѣмъ священникъ и архіерей, или болѣе зависимъ отъ архіерея, чѣмъ священникъ. Если же не захотите согласиться, то должны будете порыться въ этомъ мусорѣ, выброшенномъ вами за бортъ. — На этой же практической почвѣ можетъ быть сдѣлано и другое предложеніе. Наиболѣе многочисленный въ духовенствѣ разрядъ псаломщики. Эти люди, съ осуществленіемъ предположеній Правительства, будутъ образованные столько же, сколько и священники. Судопроизводство по дѣламъ о преступленіяхъ клириковъ не священно-дѣйствіе и никакихъ особыхъ церковныхъ тайнственныхъ полномочій, по понятіямъ нашего противника, къ сему ненужно. Справедливость, основанная на числовыхъ данныхъ, требовала бы, чтобы этому именно разряду духовенства, какъ многочисленнѣйшему, была предоставлена судная власть. Для творческой силы Церкви въдь нѣтъ предѣловъ? Въ какія трущобы и ямы заведетъ насъ нашъ вожатый съ его практическимъ взглядомъ, очищеннымъ отъ мусора доказательствами!!

Нѣтъ, нашъ уважаемый противникъ, по существу и истинѣ, въ коренныхъ правахъ и законахъ Церкви, дѣйствующихъ чрезъ видимую власть, дѣйствуетъ высшее право-Божественное, которое и утверждаетъ и направляетъ ихъ дѣйствіе къ назначенію

Церкви—спасенію въ ней вѣрующихъ. Въ основаніи видимаго управленія Церкви Іисусъ Христосъ указываетъ Апостоламъ (Матѳ. 16, 17—19) другое высшее, невидимое ея управленіе: первое служитъ только проявленіемъ и орудіемъ послѣдняго; послѣднимъ опредѣляется значеніе и сила перваго. И слѣдовательно видимое управленіе Церкви должно быть разсматриваемо не иначе, какъ по отношенію къ невидимому, а не отдѣльно... То внѣшнее, которое не имѣетъ связи съ внутреннимъ, съ таинственнымъ въ Церкви, какъ съ своимъ основаніемъ,—не церковное, а государственное, и если можетъ быть и бываетъ въ вѣдѣніи Церкви, то подъ непремѣннымъ условіемъ порученія отъ государства. Такъ насъ учили наши учителя въ старое, доброе время. (См. Іоанна Опыт. курса Церк. Зак. 1, 17, 18).

По спору о другомъ важнѣйшемъ пунктѣ разнорѣчія между нами и нашимъ почтеннѣйшимъ противникомъ, именно о церковныхъ правилахъ, мы, вопреки его умствованіямъ противъ насъ направленнымъ, но въ союзѣ съ нимъ и съ помощію его собственныхъ прежнихъ разсужденій, доказывали: 1) что по правиламъ средоточіе церковно-судной власти въ епархіи—въ епархіальномъ епископѣ, пресвитеръ же можетъ производить въ епархіи судъ только подъ однимъ условіемъ уполномоченія отъ своего енарх. епископа; 2) что въ правилахъ содержатся указанія принадлежности епископу судной власти *въ юридическомъ, а не въ другомъ какомъ смыслѣ*; 3) что идея принадлежности судной власти епархіальному епископу не есть общая идея византійско-римскаго міра, и идея церковно-канони-

ческая, въ правила перешедшая изъ Слова Божія и 4) что идея принадлежности церковно-судной власти епархіальному епископу входитъ въ разрядъ такихъ, содержащихся въ Писаніи и канонахъ идей, которыя не могутъ быть отмѣнены властію помѣстной Православной Церкви никогда.

Нынѣ нашъ почтеннѣйшій противникъ находитъ нужнымъ настаивать только на одномъ пунктѣ—именно на томъ, что каноны измѣняемы, что неизмѣняемость ихъ должна быть «понимасма только въ отношеніи ко всемъ и каждому въ частности члену Церкви Христовой; никто изъ нихъ не имѣетъ права произвольно отмѣнять ихъ. Но эта неизмѣняемость не превозмогаетъ творческой силы самой Церкви—законодательницы и установительницы каноновъ, — и ей несомнѣнно принадлежит и будетъ вѣчно принадлежать право измѣнять и отмѣнять въ своихъ прежнихъ законахъ то, что она найдетъ требующимъ измѣненія» (513).—Неизмѣнными могутъ «признаваться только тѣ постановленія каноновъ, которыя относятся къ существу церковнаго устройства, а все относящееся къ внѣшнимъ формамъ церковной жизни подлежитъ улучшенію и усовершенствованію». Къ таковымъ подлежащимъ улучшенію и усовершенствованію постановленіямъ каноновъ принадлежит и внѣшнее судопроизводство, которое можетъ быть выдѣлено для независимаго отъ администраціи отправленія въ епархіальномъ вѣдомствѣ (506, 507). Такова существенная мысль нашего почтеннѣйшаго противника по этому предмету, сколько мы могли уловить ее въ морѣ словесности, въ которомъ она распушена.

Для всякаго очевидно, что центр тяжести въ предложенномъ силлогизмѣ заключается именно въ мысли, что принадлежность судной власти епархіальному архіерею относится къ внѣшнимъ формамъ церковной жизни, подлежащимъ измѣненію и усовершенствованію. Всякой желающій доказать возможность отдѣлить (такъ нынѣ, а прежде: отнять) судную власть отъ архіерея обязывается доказать именно мысль о принадлежности этой власти къ области внѣшнихъ формъ церковной жизни. Между тѣмъ нашъ почтеннѣйшій противникъ, многократно и на разные лады твердя о томъ, что эта принадлежность судной власти епархіальному епископу относится къ области внѣшнихъ формъ церковной жизни,—нигдѣ не приводитъ въ подтвержденіе этой мысли ни одного доказательства.—Мы утверждаемъ 1) что это начало принадлежитъ къ числу существенныхъ и неизмѣняемыхъ и 2) что даже и въ томъ невозможномъ случаѣ, если бы было допущено, что оно принадлежитъ къ измѣняемымъ церковнымъ постановленіямъ, это измѣненіе могло бы послѣдовать только отъ вселенскаго собора.

1) Къ убѣжденію въ первой мысли приводитъ а) самая всеобщность и неизмѣнность идеи и основаннаго на ней учрежденія. Въ теченіи всей девятнадцатой вѣковой исторіи православной церкви не было времени, когда бы епархіальному епископу право внѣшняго, юридическаго суда надъ клириками не принадлежало. И нынѣ во всѣхъ частныхъ православныхъ церквахъ (исключая сербской съ 1862 г.) власть сія епархіальному епископу принадлежитъ.

б) Идея, имѣющая корни и явнѣйшія основанія во

всѣхъ существеннѣйшихъ источникахъ — въ Слово Божіе (что признасть и нашъ почтеннѣйшій противникъ), въ правилахъ Апостоловъ, соборовъ вселенскихъ и помѣстныхъ и отцевъ церкви — и притомъ раскрытая и изъясненная въ сихъ источникахъ, какъ существеннѣйшая и важнѣйшая, никакимъ образомъ не можетъ быть отнесена къ идеямъ внѣшнихъ и измѣняемыхъ порядковъ: не въ томъ смыслѣ и духѣ, и не въ тѣхъ намѣреніяхъ во всѣхъ сихъ источникахъ полагаются основанія сей идеи и различныя построенія ея подробностей, что-бы принадлежать ей къ порядку идей измѣняемыхъ. И указанія нашего почтеннѣйшаго противника на учрежденія упомянутыя въ Слово Божіе и въ правилахъ, которыя съ теченіемъ времени перестали дѣйствовать, въ настоящемъ дѣлѣ не имѣютъ ни малѣйшаго смысла и убѣдительности, такъ какъ нѣкоторыя изъ сихъ указаній сдѣланы имъ ложно (напр. дважды сдѣланное имъ указаніе на то, будто Церковь не наша неправымъ измѣнить заповѣдь Божеств. Откровенія о супружествѣ епископовъ 1 Тим. 3, 2. (511, 497), о чемъ подробнѣе рѣчь у насъ впереди), другія же съ разсматриваемымъ спорнымъ вопросомъ не имѣютъ ни малѣйшаго соответствія. Почтеннѣйшій противникъ утверждаетъ, что было время, когда нѣкоторыя церковныя учрежденія существовали, а потомъ перестали существовать, или измѣнились: было время, когда Апостолы сами служили трапезамъ, когда благодатные дары Св. Духа преподавались всѣмъ крещенымъ чрезъ возложеніе рукъ Апостольскихъ, когда епископъ самъ завѣдывалъ доходами своей епархіи,

когда и въ малыхъ селеніяхъ и деревняхъ были свои особыя епископы, а потомъ настало другое время, когда все это прекратилось, и выводить отсюда такое заключеніе, что въ силу сего можетъ настать время, когда и принадлежащая епархіальному аріерею власть суда надъ клириками можетъ прекратиться. Строгая логика требовала бы, что-бы были указаны примѣры и по существу имѣющіе соотвѣтствіе съ разсматриваемымъ спорнымъ предметомъ, и при обстоятельствахъ тождественныхъ. Ни то ни другое нашимъ уважаемымъ противникомъ не соблюдено. Апостолы сами служили трапезамъ и потомъ сами же перестали служить. Что отсюда можно выводить при нѣкоторомъ уваженіи къ требованіемъ логики? Только одно: Апостолы предоставили епископамъ право суда надъ подчиненными имъ клириками, а потомъ они же могли это право у нихъ и отнять, чего однакоже не сдѣлали. Уразумѣетъ ли мой уважаемый противникъ, что и право суда не тождественно съ правомъ служить трапезамъ, и власть Апостоловъ и по существу и по пространству не тождественна съ властью Святѣйшаго Синода Россійской Церкви? Апостолы имѣли отъ Божественнаго Основателя Христіанства власть совершать многое такое, чего не имѣетъ власти совершать высшая Церковная власть, хотя бы и обширнѣйшей помѣстной Православной церкви — «Было время, когда епископы завѣдывали всѣми доходами своей епархіи, потомъ въ слѣдствіе разныхъ злоупотребленій церковь нашла нужнымъ «установить особую должность при каждой каѳедрѣ». Опять, и завѣдываніе имуществомъ нетождественно

со властію суда, и признанъ нужнымъ контроль (только, а не отнятіе власти у епископа) надъ дѣйствіями епископа *вселенскимъ соборомъ* (IV, 26), съ которымъ не можетъ равняться власть помѣстной Православной церкви ⁴⁾. Подобный же смыслъ имѣютъ и другіе приведенные имъ случаи и говорятъ совершенно противъ мысли имъ не правильно развиваемой. Было время, когда нѣкоторыя церковныя учрежденія существовали и потомъ перестали существовать въ силу отмѣненія ихъ подлежащею церковною властію. Но не было времени, когда бы епархіальный епископъ не имѣлъ власти суда надъ подчиненными ему клириками. Слѣдовательно!... Нашъ уважаемый противникъ, столь сильный въ логику, заключеніе можетъ вывести самъ. в) Не можетъ принадлежать это начало къ числу внѣшнихъ, измѣняемыхъ порядковъ и потому соображенію, что съ допущеніемъ этой мыс-

⁴⁾ Не можемъ не замѣтить здѣсь несправильности въ изложеніи авторомъ этого обстоятельства. Правило, о которомъ онъ здѣсь говоритъ есть 26 IV-го вселенскаго собора и изложено слѣдующимъ образомъ: „поселку въ нѣкоторыхъ церквахъ, яко же намъ содѣлалось гласнымъ, епископы управляютъ церковнымъ имуществомъ безъ икономовъ: того ради разсуждено всякой церкви имѣющей епископа имѣти изъ собственнаго кира иконома, который бы распорядитъ церковнымъ имуществомъ по воли своею епископа (*κατὰ γνώμην τῆ οἰκείης ἐπισκόπου*), дабы домостроительство церковное не безъ свидѣтелей было. дабы отъ сего не расточался ея имущество. и дабы не подаю нареканія на священство. Аще же кто сего не учинитъ: таковый повилевъ Божественнымъ правителемъ“. Читатель безъ справки съ подлиннымъ текстомъ правила. по изложенію почтеннѣйшаго противника нашего подумаетъ, что право распоряженія церк. имуществомъ отнято у епископа и поручено особой вновь учрежденной должности. Между тѣмъ изъ точныхъ словъ правила явствуетъ совершенно обратное

ли неизбежно следовало бы допустить, что и правительственная власть епархіального архіерея относится къ тому же разряду внѣшнихъ, измѣняемыхъ порядковъ. Это — двѣ стороны одной и той же власти, и объ онѣ и по происхожденію и по существу одинаковы. Обѣ въ отношеніи къ епископу одинаково Божественнаго происхожденія; и если признаемъ, что судная власть епископа надъ подчиненными ему клириками не Божественнаго происхожденія, то сейчасъ тоже самое должны будемъ допустить и въ отношеніи къ правительственной, административной власти епископа. Если безпрепятственно можно отдѣлить отъ епископа судную власть; то никакихъ не окажется препятствій и къ освобожденію его отъ трудовъ правительственныхъ, административныхъ, т. е. къ уничтоженію власти епархіального епископа по обѣимъ ей частямъ и сторонамъ. Административная дѣятельность дѣйствительно представляетъ болѣе внѣшняго, чѣмъ судебная. И если бы признано было возможнымъ отдѣлить судебную власть отъ архіерея; то въ слѣдъ за симъ нашъ почтенѣйшій противникъ потребовалъ бы, чтобы и правительственная власть отъ архіерея была отдѣлена, какъ еще болѣе внѣшняя, чѣмъ судебная. Связь обѣихъ частей власти самая существенная и тѣсная; и всѣ существенныя черты и свойства одной части въ равной мѣрѣ принадлежать и другой.

2. Впрочемъ даже и въ томъ невозможномъ случаѣ, еслибы принадлежность судной надъ клириками власти епархіальному архіерею была признана относящеюся къ области внѣшнихъ церковныхъ

порядковъ,—и въ этомъ случаѣ отдѣленіе этой власти отъ епарх. архіерея и порученіе другимъ независимымъ отъ него органамъ, по всѣмъ *безспорнымъ* основаніямъ, могло бы послѣдовать только по дѣйствию власти или высшей той, которою уполномоченъ епископъ имѣть судную надъ клириками власть, или же равной съ нею. И это не наша только теорія, но общая, непререкаемая, юридическая и каноническая аксіома, твердо сохраняемая законодательствами всего міра (См. напр. Основ. законы Росс. Импер. въ 1 том. Свод. зак.). Съ этимъ согласенъ и нашъ уважаемый помощникъ—противникъ, и мы не можемъ отказать себѣ въ удовольствіи еще разъ привести слова его, приведенныя въ нашей первой апологіи и не опротестованныя имъ и въ послѣднихъ полемическихъ противъ насъ трудахъ. «Православная церковь,—по изясненію нашего неизмѣннаго союзника,—различаетъ между самими канонами тѣ, которые относятся къ существу церковнаго устройства и жизни, и тѣ, которые были вызваны историческимъ положеніемъ церкви, предназначались только *для временнаго употребленія* въ ней. *Относительно послѣднихъ* она признаетъ за собою право видоизмѣнять ихъ сообразно съ потребностями, отмѣнять и дополнять, дѣйствуя при этомъ сообразно съ общими началами и духомъ вселенскаго церковнаго законодательства. Но, повторимъ опять, она не признаетъ этого права ни за какою внѣшнею властію, не усваиваетъ ее никому въ отдѣльности, ни одному изъ самыхъ высшихъ своихъ іерарховъ, но только власти равной по правамъ съ тою,

которая установила эти законы, т. е. соборной» (и если правило вселенскаго собора,—то вселенскимъ соборамъ). «На этомъ основаніи церковь никогда не смѣшивала соборныхъ, каноническихъ своихъ опредѣленій съ какими либо другими постановленіями и, какъ бы велико ни было фактическое значеніе послѣднихъ въ извѣстный періодъ и при извѣстныхъ обстоятельствахъ церковной жизни, она никогда не усвоила имъ такого высокаго каноническаго авторитета, какъ первымъ». (Прав. Обзоръ. 1870, 2, 589) Судная надъ клириками власть епархіальному епископу принадлежитъ на основаніи Апостольскаго полномочія (1 Тим. 5, 19—22), Апостольскихъ правилъ и правилъ вселенскихъ соборовъ. Слѣдовательно и отдѣлена отъ епископа можетъ быть только властію равною установившей. А таковой власти не имѣетъ власть ни одной помѣстной Православной церкви. На твердомъ и неизмѣнномъ соблюденіи этого принципа держится неизмѣнно единство Православной церкви, раздѣляемой на нѣсколько отдѣльныхъ помѣстныхъ, автокефальныхъ церквей: и въ этомъ ея сила. Каждая автокефальная Православная церковь не зависима отъ другой-такой же; но всѣ зависимы отъ правилъ Апостольскихъ и соборныхъ; всѣ одинаково соблюдаютъ и признаютъ ихъ неизмѣняемыми согласно въ однихъ и тѣхъ же существенныхъ пунктахъ, и ни одна автокефальная помѣстная православная церковь не почитетъ себя имѣющею власть отмѣнить правило Апостольское, или вселенскаго собора, признаваемое прочими автокефальными церквами за неизмѣнное. Всѣ оны единоумно и едино-

правно согласны между собою въ отношеніи къ существеннымъ (каково и рассматриваемое) положеніямъ и началамъ церк. правилъ,—такъ что излишни были бы даже сношенія и вопросы одной церкви у другой объ этомъ предметъ. Отступленіе же какой либо частной автокефальной церкви отъ единенія со всѣми прочими автокефальными Православными церквами чрезъ отмѣну, или измѣненіе какого либо существеннаго начала (напр. принадлежности епарх. епископу судной надъ клириками власти) есть удаленіе отъ начала единенія, могущее *имѣть не безвредныя для всей Православной церкви послѣдствія*. Почтеннѣйшій противникъ нашъ конечно знаетъ и припомнитъ исторію Пальмера. Въ отступленіи отъ правилъ вселенскихъ соборовъ—слабость Правосл. церкви. При осуществленіи мѣры, предлагаемой нашимъ почтеннѣйшимъ противникомъ, властію каждой отдѣльной автокефальной Православной церкви возможно такое положеніе, что Русская церковь *отдѣлитъ отъ архіерея судную надъ клириками власть*, Константинопольская—правительственную, православная Австрійская—соборную форму церковнаго управленія, а церковь Еллинскаго королевства—признаетъ возможнымъ «отчислить іерархію со всѣмъ кругомъ ея церковныхъ отношеній изъ вѣдомства церковнаго суда»; такъ какъ судъ церковный относится, по понятіямъ нашего противника, къ области внѣшнихъ порядковъ церкви. Сего, Богу милующу Святую церковь Свою, досель еще небывало. Правило обязательное для всѣхъ частныхъ Православныхъ церквей и во всѣхъ ихъ дѣйствующее—не можетъ быть отмѣнено одно-

сторонно которою либо одною изъ автокефальныхъ церквей. Наговорить громкихъ фразъ объ отдѣленіи судной надъ клириками власти отъ архіерея—гораздо легче, чѣмъ взвѣсить существо и послѣдствія этой мѣры.

Въ виду сихъ соображеній, ни на одну минуту и никакимъ образомъ мы не можемъ согласиться съ нашимъ противникомъ, чтобы принадлежность судной надъ клириками власти епархіальному архіерею относилась къ разряду правилъ вышшняго порядка, къ измѣненію которыхъ была бы компетентна каждая отдѣльная автокефальная Православная церковь.

Послѣ сего мы позволяемъ себѣ надѣяться, что изъяснили и существо нашей мысли объ измѣняемости и неизмѣнности церковныхъ правилъ и главный пунктъ разногласія между нами и нашимъ уважаемымъ противникомъ. Мы полагаемъ, что правило, основанное на Словѣ Божіемъ, раскрытое и изъясненное въ правилахъ Апостольскихъ, Соборныхъ и отеческихъ, и единою мыслию, и единымъ сердцемъ безъ малѣйшихъ прекословіій во всей православной Церкви соблюдаемое во всѣ вѣка сѣ бытія,—принадлежитъ къ разряду такихъ правилъ, которыя могутъ быть отмѣняемы только высшею Церковною властію всей Православной Церкви, т. е. вселенскимъ соборомъ. Нашъ ученивѣйшій противникъ находитъ, что измѣненіе и такого правила не выходитъ изъ компетенціи власти каждой отдѣльной, автокефальной православной Церкви, наприм. русской, аѳинской, румынской и т. д., съ чѣмъ мы никогда не можемъ согласиться. А за симъ всѣ тол-

кованія нашихъ на этотъ предметъ взглядовъ, представленные почтеннѣйшимъ нашимъ противникомъ, должны отпасть, какъ съ нашими воззрѣніями несогласныя и намъ произвольно навязанныя. Таково, напр. представленное имъ на стр. 510 изложеніе сущности моего воззрѣнія на этотъ предметъ, которое будто бы состоитъ въ томъ, что я *всѣ каноны содержащіяся въ книгѣ Правилъ почитаю неизмѣнными*, авторитетъ ихъ неизмѣннымъ, всецѣло непоколебимымъ, и будто, по моему мнѣнію, непоколебимость эта должна быть изъясняема въ той же силѣ, какъ и непоколебимость Св. Писанія. — Мы думаемъ, что правило Апостольское, правило вселенскаго собора или помѣстнаго и Отца церкви, но утвержденное вселенскимъ соборомъ, неизмѣнно соблюдаемое во всѣ времена Православной Церкви — можетъ быть отмѣнено только властію вселенскаго Собора; но не властію одной помѣстной автокефальной Церкви, хотя бы и такой обширной какъ русская. Такъ думалъ и почтеннѣйшій нашъ противникъ въ 1870 году, какъ видно изъ представленной выше выписки и имъ неопротестованной. Нынѣ онъ думаетъ иначе и полагаетъ, что частная — автокефальная православная Церковь компетентна на измѣненіе и такого правила. Мы полагаемъ, что русская Церковь вполнѣ компетентна на измѣненіе только тѣхъ правилъ, которыя въ ней получили начало, и не компетентна на измѣненіе правилъ Апостольскихъ и вселенскихъ Соборовъ. Нашъ уважаемый противникъ простираетъ компетенцію русской Церкви и на измѣненіе, или даже отмѣну и правилъ Апостольскихъ и вселенскихъ Соборовъ.

Кажется, мы вѣрно поняли и ясно выразили мысль нашего уважаемаго противника, мысль, съ которою мы ни на одну минуту не можемъ согласиться. За симъ все сдѣланныя нашимъ уважаемымъ противникомъ изображенія Церкви въ видѣ окаменѣвшаго организма, заключеннаго въ однѣ неподвижныя формы, все мечтанія его о творческой дѣятельности церкви, какъ пустыя измышленія праздно и неблагоклонной къ противнику фантазій, насъ и нашихъ мнѣній ни съ какой стороны не касающіяся, должны пасть.

Окончивъ объясненія съ нашимъ уважаемымъ противникомъ по двумъ главнымъ пунктамъ нашихъ съ нимъ разномысліи мы должны обратиться къ разъясненіямъ нѣкоторыхъ частныхъ пунктовъ его предложеній, къ предложенію отвѣтовъ по его противъ насъ обвиненіямъ.

1) Нашъ уважаемый противникъ, по недоразумѣнію, или съ умысломъ утверждаетъ, что *прокурорскій надзоръ есть одна изъ важнѣйшихъ судебныхъ функций* (495) и предлагаетъ, что можно безъ ущерба для правосудія предоставить эту функцію епархіальному архіерею. Такимъ образомъ и волки были бы сыты и овцы цѣлы, т. е. архіерей яко бы отчасти участвовалъ въ судѣ. Смѣемъ увѣрить нашего почтеннѣйшаго противника, что прокурорскій надзоръ не только не есть важнѣйшая судебная функція,—но и никакая. Прокуроръ—одна изъ сторонъ предъ судомъ, именно представляющая суду и поддерживающая предъ нимъ обвиненіе, представитель администраціи, обвиняющей предъ судомъ. Другая сторона совершенно прокурору предъ су-

домъ равноправная— есть обвиняемый и его защитникъ, адвокатъ. Какъ адвокатура не есть никакая судебная функція, такъ и прокуратура. Это двѣ равноправныя предъ судомъ стороны. Многія дѣла движутся къ суду и поддерживаются на судѣ безъ прокурора частными лицами.— Слѣдовательно, если нашъ уважаемый противникъ сдѣлаетъ епархіальнаго архіерея прокуроромъ, то ни въ какомъ случаѣ онъ не будетъ имѣть возможности сказать, что архіерею представлена одна изъ важнѣйшихъ функцій судебныхъ.

Почтеннѣйшій оппонентъ нашъ дѣлаетъ это предложеніе не только исходя изъ принципа отдѣленія судебной власти, но и въ практическихъ видахъ и въ видахъ человеколюбія. Онъ не находитъ физической возможности, чтобы архіерей былъ предсѣдателемъ епарх. суда. И это соображеніе о физической невозможности епарх. архіерею предсѣдательствовать въ судѣ служитъ между прочимъ однимъ изъ основаній къ возложенію на архіерея прокурорскихъ обязанностей.— По усвоеннымъ нашимъ почтеннѣйшимъ противникомъ полемическимъ пріемамъ онъ допускаетъ и здѣсь обычную полемическую утрировку. По его словамъ выходитъ, что архіерей, если бы былъ предсѣдателемъ, каждый день съ утра до ночи долженъ бы былъ сидѣть въ судѣ (195). Почтеннѣйшій противникъ нашъ допускаетъ такую утрировку совершенно напрасно. Онъ знаетъ, что предсѣдатель окружнаго суда не сидитъ каждый день съ утра до ночи въ судѣ, и что вмѣсто него часто предсѣдательствуютъ его товарищи и члены. Подобное положеніе возможно и для ар-

хіерея предсѣдателя: онъ можетъ предсѣдательствовать по дѣламъ важнѣйшимъ, а по прочимъ, когда то признаетъ нужнымъ и для себя возможнымъ.— Замѣна же предсѣдательской обязанности прокурорскою въ видахъ облегченія архіерея есть чистѣйшій абсурдъ. Если спросить нашъ почтеннѣйшій противникъ у кого либо изъ лицъ принадлежащихъ къ окружному суду; то онъ съ точностію узнаетъ, что прокурорская функція труднѣе предсѣдательской.

2) Мой почтеннѣйшій противникъ усиленно настаиваетъ на мысли «о выдѣленіи судебной дѣятельности въ духовномъ вѣдомствѣ для особаго отправления, о порученіи ея особымъ, самостоятельнымъ органамъ, независящимъ отъ администраціи» (500). Мой почтеннѣйшій противникъ не хочетъ знать, что не можетъ быть ни священника, ни діакона, ни псаломщика, независимаго отъ духовной администраціи или начальства: всѣ подчинены власти своего епархіальнаго архіерея. И слѣдовательно, вотъ уже и есть одно непреодолимое препятствіе къ осуществленію предложенія моего противника— *учредить духовный судъ съ особыми самостоятельными органами, независящими отъ администраціи.* Такихъ органовъ въ епархіальномъ вѣдомствѣ (о чемъ главнымъ образомъ у насъ и рѣчь) нѣтъ и быть не можетъ. Если мы будемъ добиваться независимости *quand même* во чтобы то ни стало; — то для осуществленія сего представляются только два способа: или а) облыть будущихъ епархіальныхъ судей и изыять ихъ совершенно изъ подъ власти епархіальнаго архіерея, съ подчиненіемъ ихъ

непосредственно Св. Синоду, чѣмъ создавались бы оазисы, или ставропигіи въ каждой епархіи; или б) въ духовные судьи посадить свѣтскія лица. Последнее полнѣе удовлетворяло бы стремленію автора къ особымъ самостоятельнымъ органамъ, независящимъ отъ администраціи: свѣтскія лица уже были бы органами совершенно независимыми отъ всякой духовно-административной власти и отъ архіерейской и отъ Синодальной.—Который изъ двухъ способовъ болѣе нравится нашему противнику? Или можетъ быть онъ имѣетъ какой либо свой, который и повѣдаетъ міру?

3) Нашъ почтеннѣйшій и многоуважаемый противникъ не соглашается принять на себя отвѣтственность за починъ этого дѣла, себѣ приписываетъ только формулированіе этого вопроса, а возбужденіе его русскому обществу, духовенству и правительству. Скромность, конечно, похвальна, но и строгая справедливость такъ же должна быть соблюдена. А соблюденія этой-то справедливости въ заявленіи нашего почтеннѣйшаго противника и не достааетъ. Онъ указываетъ, что вопросъ *объ изыятіи духовенства изъ-подъ судной власти епархіальнаго архіерея* (такъ ли мы понимаемъ мысль автора?) «подняло русское общество и духовенство своими постоянными и согласными отзывами о крайней неудовлетворительности существующихъ порядковъ епарх. суда, о тяжести административнаго произвола, о вмѣшательствѣ администраціи въ судъ, о необходимости болѣе правильныхъ и законныхъ отношеній духовенства къ епарх. власти» и т. д. Но это указаніе ни въ какомъ случаѣ мы не можемъ

признать справедливымъ, или имѣющимъ какую либо связь съ настоящимъ вопросомъ. Мы слѣдимъ за литературою о духовенствѣ и читали обличительныя статьи о разныхъ злоупотребленіяхъ въ духовномъ вѣдомствѣ—дѣйствительныхъ и вымышленныхъ. Въ этихъ статьяхъ чаще изобличаются административныя злоупотребленія, и только изрѣдка судебныя; и при этомъ причина злоупотребленій указывается почти исключительно въ канцеляріи, иногда въ членахъ суда—пресвитерахъ, и почти никогда во главѣ суда—архіереѣ. Но нигдѣ, ни въ одной статьѣ до статьи автора, напечатанной въ Мартовской книжкѣ Правосл. Обозрѣнія 1871, средствомъ къ устраненію неудовлетворительности епарх. суда не было указано совершенное изъятіе духовенства изъ—подъ судебной власти архіерея. Равнымъ образомъ и правительство никогда и нигдѣ ни однимъ словомъ не предрѣшало этого вопроса въ смыслѣ мѣры предложенной авторомъ, и даже не указывало на общія судебныя начала, какъ на данныя для примѣненія. Правительство ясно и опредѣлительно выразило по этому предмету только одно именно, что оно соизволяетъ на учрежденіе при Св. Синодѣ Комитета для изготовленія основныхъ положеній преобразованія духовно-судебной части,—и болѣе этого не выражало ничего. Итакъ вся честь перваго изобрѣтенія проекта разрѣшенія вопроса о выдѣленіи судопроизводства о клирикахъ для особаго независимаго отъ администраціи отпращиванія, состоящаго въ изъятіи духовенства изъ подъ судной власти епархіальнаго архіерея, всецѣло принадлежитъ нашему почтеннѣйшему противнику.

Придуманъ вопросъ не нами, какъ увѣряютъ хозяева нашего почтеннѣйшаго противника (707), а сполна ихъ сотрудникомъ. Уклоняться отъ чести и отъ ответственности за свои дѣйствія взрослому человѣку едва ли ловко. А давать намъ наставленіе гнѣваться не на него, а на общество и правительство, нашъ почтеннѣйшій противникъ не имѣлъ основанія: такъ какъ никакого гнѣва съ нашей стороны собственно по поводу предложенія имъ своего проекта не было и быть не могло, разумѣется, если не считаетъ онъ гнѣвомъ всякую крику публичнаго дѣйствія, и не желаетъ поставить себя въ положеніе оракула, вѣщающаго міру истины и недопускающаго ни малѣйшаго прекословія.

4) Безъ пользы для себя нашъ почтеннѣйшій противникъ увѣряетъ своихъ читателей въ томъ, будто я слово «отнять» вырвалъ изъ такого мѣста его статьи, которое выражаетъ мысль совершенно противоположную той, которую я ему навязываю.—Въ томъ мѣстѣ, изъ котораго взято мною это слово, нашъ уважаемый противникъ рассуждаетъ о томъ, что въ правилахъ не различается духовный судья отъ судьи внѣшняго, и епископу какъ судья и управителю духовному подчиняются всѣ не только внѣшнія, но и внутреннія дѣйствія христіанъ-членовъ церкви, и за тѣмъ продолжаетъ: «всякое дѣйствіе, заключающее въ себѣ грѣховный элементъ, подлежитъ епископскому суду, и этого права никто отнять у него не можетъ и не хочетъ», а другое право, т. е. право суда надъ служебными дѣйствіями клириковъ кто-то отнять у епископа хочетъ и можетъ. Этотъ выводъ такъ

прямъ, такъ простъ, что гимназистъ 4-го класса не затруднился бы его сдѣлать. И самъ уважаемый противникъ нашъ развиваетъ его въ послѣднихъ трехъ своихъ статьяхъ на всѣ лады. — Зачѣмъ же нужно было ему увѣрять читателей, что эта мысль ему не принадлежитъ? Единственно затѣмъ, чтобы поразить своего критика, хотя и тупымъ концемъ своего оружія.

5) Неосновательно безъ видимой пользы для себя и безъ всякаго вреда для критика, нашъ почтеннѣйшій противникъ старается испортить хронологію развитія идеи своего проекта. Мы утверждали и утверждаемъ, что онъ только въ мартѣ 71-го года въ первый разъ изъяснилъ свой проектъ изъятія духовенства изъ-подъ суда епархіальнаго епископа. А онъ находитъ нужнымъ утверждать, что это послѣдовало за девять мѣсяцевъ до того времени, именно въ іюнь 70-го года, и приводитъ слѣдующія свои слова: «въ духовномъ епархіальномъ вѣдомствѣ судъ не имѣетъ необходимой для него самостоятельности. Онъ не отдѣленъ отъ администраціи и находится подъ сильнымъ давленіемъ послѣдней въ прямой ущербъ для цѣлей правосудія, благодаря сосредоточенію въ однѣхъ рукахъ и административной и судебной власти. Въ собственно судебной дѣятельности не существуетъ правильнаго раздѣленія разнородныхъ судебныхъ отправленій. Всѣ функціи судебной власти соединены въ однѣхъ и тѣхъ же начальственныхъ рукахъ, и потому не могутъ имѣть необходимой независимости». Приведши эти слова нашъ уважаемый противникъ заключаетъ: «скажется ясно, о чемъ

говорилось здѣсь». Напротивъ мы находимъ, что весьма неясно. Тутъ говорилось только о нераздѣльности суда отъ администраціи въ духовномъ вѣдомствѣ и о томъ, что это неудобно, и хотя можно было прозрѣвать, что онъ имѣетъ въ виду мысль о раздѣленіи суда отъ администраціи, но совершенно ничего нельзя было заключать, до какихъ предѣловъ онъ проведетъ это отдѣленіе, и если проведетъ даже до архіерея, то какую уступитъ ему власть судебную, или административную, и всю ли которую нибудь изъ двухъ властей, или только часть ея. Все это можетъ быть уже предрѣшено было въ его умѣ; но туда мы не имѣли возможности заглядывать. За тѣмъ въ непосредственно слѣдовавшихъ за іюньскою статьею осеннихъ статьяхъ о церковномъ судѣ и противъ Сушкова, нашъ уважаемый противникъ явилъ себя такимъ поборникомъ древле-отеческихъ каноновъ и преданій, что не только я, но и всякій толковый раскольникъ ничего не могли сказать противъ него. Никто не могъ подозрѣвать, чтобы столь благочестивый и ревностный о церковныхъ принципахъ писатель имѣлъ противъ насъ за пазухой камень. Вотъ по этому-то никакъ и нельзя было сообразить, что нашъ уважаемый противникъ еще въ 70-мъ году имѣлъ мысль о томъ проэктѣ, который развилъ въ 71-мъ. Хронологія вопроса, по обнародованнымъ документамъ, должна остаться наша.

б) Мы предлагали нашему почтеннѣйшему противнику вопросъ объ основаніяхъ, на которыхъ, при устраненіи епархіальнаго архіерея отъ участія въ судѣ, могъ бы быть утвержденъ епархіальный судъ,

состоящіи изъ пресвитеровъ. Въ Словѣ Божіемъ основаній къ этому нѣтъ, правила, по мнѣнію почтеннѣйшаго противника, не неизмѣнны. Остается только одно признаваемое имъ основаніе — «общепризнанныя требованія научныя и законодательныя, общее развитіе современныхъ потребностей и отношеній жизни».—Вопросъ нашъ основанъ былъ буквально на словахъ нашего почтеннѣйшаго противника—печатныхъ, которыхъ нельзя скрыть. Но во что превращается этотъ простой, документально обоснованный вопросъ въ его рукахъ? Частнаго отвѣта на предложенный вопросъ онъ не даетъ, — а огдѣльвается общимъ ничего въ настоящемъ случаѣ не рѣшающимъ указаніемъ, что, по его мнѣнію, высшій судъ церкви основывается на ясныхъ и опредѣленныхъ полномочіяхъ, данныхъ Церкви ея Основателемъ: *елика аще свяжете* и проч. Основаніе это дѣйствительно весьма твердое, — но въ настоящемъ случаѣ не рѣшаетъ ничего, и къ настоящему вопросу прилагасмо быть не должно; ибо, по увѣренію самого же почтеннѣйшаго противника, высказанному въ томъ же обвинительномъ актѣ (Окт. 499, 500), но потомъ, вѣроятно, забытому, только *нравственная сторона духовнаго суда для своего отпривленія требуетъ духовныхъ благодатныхъ даровъ* (права вязать и рѣшить), а юридическая (о которой въ настоящемъ случаѣ и рѣчь) этого не требуетъ; она можетъ быть поручена церковною властію различнымъ органамъ, производиться въ различныхъ формахъ по требованію временныхъ обстоятельствъ, и къ догматическимъ основаніямъ церковнаго устройства не относится. Су-

дебильный процесс нельзя объявлять таинственным священнодѣяніемъ. Такимъ образомъ вопросъ, нами предложенный, разрѣшенія не получаетъ; но за то наша собственная персона подвергается жесточайшимъ, но совершенно ложнымъ обвиненіямъ, и получаетъ отъ почтеннѣйшаго противника даровой, впрочемъ совершенно намъ ненужный рецептъ. Кто бы читавшій двѣ наши страницы (364, 365), на которыхъ предложенъ нами вопросъ объ основаніяхъ предполагаемаго почтеннѣйшимъ противникомъ спархіяльнаго суда, могъ обвинить насъ — въ умышленномъ умолчаніи о планѣ церковнаго судоустройства предложенномъ нашимъ противникомъ и сокрытіи нашего собственнаго плана, въ грубомъ злоупотребленіи научными понятіями, въ неуваженіи къ научнымъ требованіямъ здравымъ и общепризнаннымъ, въ томъ будто мы подвержены ересеманіи и ересебоязни, въ боязни современной науки (Пр. Об. 681—689)? И однако же нашъ противникъ все это дѣлаетъ съ искусствомъ и мужествомъ достойными лучшаго дѣла, чѣмъ ложныя инкриминаціи и дискредитированіе своего непріятеля. Требованиямъ здоровой науки, сколько намъ кажется, мы уважаемъ и выполняемъ столько же, сколько и нашъ ученѣйшій противникъ, только пониманіе этихъ требованій у насъ съ нимъ разное: первымъ и самымъ существеннымъ здравымъ научнымъ требованіемъ мы почитаемъ говорить о научномъ предметѣ съ знаніемъ той науки или той части ея, къ которой онъ принадлежитъ; а нашъ ученѣйшій противникъ первымъ научнымъ требованіемъ почитаетъ то, чтобы неправильно уличать не правящееся ему

лицо въ неуваженіи къ научнымъ требованіямъ, съ косвеннымъ ожиданіемъ, что читатель обвиняемому припишетъ неуваженіе, а обличителя похвалитъ за уваженіе къ наукѣ. Дѣятельность виолнѣ достойная стража науки, указывающаго, кому слѣдуетъ, подозрительныхъ въ семь отношеніи людей. — Впрочемъ гнѣвъ не безъ милости: въ концѣ этой части обвинительнаго акта нашъ противникъ, вмѣсто роли стража науки, указывающаго подозрительныхъ для нея людей, принимаетъ на себя роль врача, и прописываетъ намъ *gratis pro raurege* слѣдующій рецептъ: «отъ ересеманіи и ересебоязни, — которой «подверженъ мой критикъ, — я укажу ему на болѣе «уважительное отношеніе къ современной наукѣ и «на болѣе просвѣщенное вниманіе къ потребностямъ современной церковной жизни, какъ на дѣйствительнѣйшее средство противъ этой мерзвѣщящей болѣзни» (688, 689). Но нашъ почтеннѣйшій противникъ все вращается въ области своихъ вымысловъ; а вопросъ объ основаніяхъ, на которыхъ будетъ утвержденъ судъ коллегіи пресвитеровъ безъ архіерея, такъ и оставляетъ нерѣшеннымъ. Таково его искусство: словъ много, цѣлое море, и неприятелю досталось, а о дѣлѣ ничего.

7) Стражу науки, указывающему людей допускающихъ «грубое злоупотребленіе научными понятіями» (687), подобаешь быть и оберегателемъ правительства и указывать и ему людей неправильно обвиняющихъ государство (706). Нашъ противникъ исполняетъ и эту обязанность съ рѣдкимъ мужествомъ, но едвали съ таковою же правдивостію. Для ясности мы представимъ подлинный текстъ нашихъ

словъ и vis-a-vis обвиненіе противъ нихъ направленное нашимъ противникомъ.

Заявленіе нашею противника, будто въ нашихъ церковныхъ учрежденіяхъ не выдерживается соборное начало, мы назвали невѣрнымъ и за тѣмъ продолжали:

Нашъ противникъ не почитаетъ насъ и по этому пункту правыми, но говоритъ:

„У насъ существуетъ постоянный соборъ — Св. Синодъ; и соборное начало въ необходимыхъ случаяхъ дѣйствуетъ — дѣйствуетъ въ преподаніи священноначальственныхъ правъ епископу — въ хиротоніи его, дѣйствуетъ въ надзорѣ за употребленіемъ имъ преподанныхъ ему правъ, — и между прочимъ преподаннаго ему права суда: ибо Св. Синодъ нынѣ и ревизионнымъ и апелляціоннымъ порядкомъ наблюдаетъ за употребленіемъ судовой власти епископомъ, исправляетъ, отменяетъ рѣшеніе его суда. Но желательно, чтобы соборное начало въ нашихъ церковныхъ учрежденіяхъ было выдержано и развито шире и ближе къ тому типу, какой оно имѣетъ въ правилахъ? Конечно желательно, но. . . Автору можетъ быть извѣстна попытка сдѣланная въ 1865 г. къ некоторому разширенію дѣйствій соборнаго начала въ нашихъ учрежденіяхъ, окончившаяся неудачею. Будемъ ждать лучшаго, и лучшее придетъ къ намъ тогда, когда будемъ вѣрнѣе слѣдовать правиламъ Богоносныхъ Отцевъ нашихъ“.

Вотъ все сказанное нами объ этомъ предметѣ.

„Нельзя на отзывъ Деллингера, что въ русской церкви нѣтъ соборовъ, отвѣчать такъ, какъ отвѣчаетъ мой критикъ на мое заявленіе, что въ нашихъ церковныхъ учрежденіяхъ не выдерживается соборное начало. Онъ говоритъ напр., что у насъ существуетъ Св. Синодъ; и соборное начало въ необходимыхъ случаяхъ дѣйствуетъ — дѣйствуетъ въ преподаніи священноначальственныхъ правъ епископу — въ хиротоніи его (т. е. говоря просто въ томъ, что епископы — члены Синода при нареченіи епископи, собираются вмѣстѣ и выслушиваютъ рѣчь отъ нарекаемаго, потомъ въ числѣ троицъ, или болѣе рукополагаютъ его въ одной изъ соборныхъ церквей), — дѣйствуетъ въ надзорѣ за употребленіемъ имъ преподанныхъ ему правъ, и между прочимъ преподаннаго ему права (какъ же епископъ называется у моего критика источникомъ этого права? нельзя называть источникомъ того, что само беретъ свой источникъ изъ другою высшаго начала) церковнаго суда: ибо Св. Синодъ нынѣ и ревизионнымъ и апелляціоннымъ порядкомъ наблюдаетъ за употребленіемъ судной власти епископомъ,

„исправляетъ, отмѣняетъ рѣшеніе
 „его суда (*вотъ это правильное*
 „пониманіе положенія епископа въ
 „системѣ церковнаго управленія
 „и суда!) Такимъ образомъ дѣя-
 „тельность Синода какъ высшей
 „коллегіальной инстанціи по управ-
 „ленію и сѣчу, мой критикъ при-
 „нимаетъ за достаточное осущест-
 „вленіе соборнаго начала въ церкви.
 „Онъ какъ будто не знаетъ, что
 „Синодъ нашъ, собственно говоря
 „есть административная коллегія
 „изъ постоянныхъ и повременныхъ,
 „при томъ назначаемыхъ отъ пра-
 „вительства членовъ, а не соборъ
 „въ прямомъ каноническомъ смыслѣ.
 „Пѣтъ, г. критикъ, подобнымъ отвѣ-
 „томъ, если даже прибавить къ нему,
 „что архіереи събѣжжуются у насъ
 „на юбиен учрежденій и лицъ, что
 „у насъ въ каждомъ губернскомъ
 „и уѣздномъ городѣ существуютъ
 „соборные храмы и соборное при-
 „ихъ духовенство и т. п., не убѣ-
 „дитъ д-ра Деллингера въ надлежа-
 „щемъ развитіи соборнаго начала
 „въ нашей церкви. *И напрасно въ*
 „слабости его обвинять юсудар-
 „ство, какъ дѣлаетъ это мой ре-
 „цензентъ. Существуютъ болѣе глу-
 „бокія причины тому — въ направ-
 „леніи нашей церковно-іерархичес-
 „кой среды., (Прав Обозр 1871.
 Ноябрь, 706)

Таково преступленіе и таково обвиненіе. Ничто въ нашихъ словахъ не нравится нашему противнику, кромѣ указанія на зависимость епископа отъ Св. Синода въ употребленіи епископомъ судной власти; только эта мысль удостоивается его одобренія: *вотъ это правильное пониманіе положенія*

епископа въ системѣ церковнаго управленія и суда — поощряетъ насъ нашъ снисходительный противникъ, неволею пророчествуя и противъ самого себя, т. е. признавая принадлежность судной власти епископу. За тѣмъ все прочее подвергается порицанію и обвиненію нашего противника. — Мы говоримъ, что у насъ есть постоянный соборъ — Св. Синодъ; а нашъ обвинитель утверждаетъ, что Синодъ есть административная коллегія изъ постоянныхъ и повременныхъ, при томъ назначаемыхъ отъ правительства членовъ, а не соборъ въ прямомъ каноническомъ смыслѣ. — Мы говоримъ, что соборное начало дѣйствуетъ у насъ въ хиротоніи епископа; а нашъ обвинитель находитъ, что и это не такъ: въ упрощенномъ видѣ, это дѣйствіе состоитъ, по его мнѣнію, только въ томъ, что епископы, члены Синода, при нареченіи во епископа собираются вмѣстѣ и выслушиваютъ рѣчь отъ нарекаемаго, потомъ въ числѣ троицъ, или болѣе рукополагаютъ его въ одной изъ соборныхъ церквей. — Мы говоримъ: желательно, чтобы соборное начало въ нашихъ церковныхъ учрежденіяхъ было выдержано и развито шире и ближе къ тому типу, какой оно имѣетъ въ правилахъ, но... А нашъ обвинитель для двухъ частей публички извлекаетъ отсюда два разнородныя, одно другому противоположныя и взаимно себя исключаютія противъ насъ обвиненія: для одной части публички онъ обвиняетъ насъ въ томъ, будто мы дѣятельность Синода, какъ высшей коллегіальной инстанціи по управленію и суду, принимаемъ за достаточное осуществленіе соборнаго начала въ церкви. А за гѣмъ для другой, черезъ восемь строкъ, забывши первое обвиненіе, уличаетъ

насъ въ томъ, что мы напрасно обвиняемъ въ слабости соборнаго начала у насъ государство. Что нибудь одно—или мы признаемъ дѣятельность Св. Синода за достаточное осуществленіе соборнаго начала, и тогда никого не можемъ обвинять въ слабости его; или же мы признаемъ начало это дѣйствующимъ у насъ слабо и тогда не можемъ признавать осуществленіе соборнаго начала въ церкви—достаточнымъ. Обвинять въ одно и тоже время—и въ да и въ нѣтъ невозможно. Присяжный читатель, имѣющій предъ глазами полный, подлинный текстъ нашей мысли, безъ всякаго сомнѣнія, усмотритъ, что мы не признаемъ соборное начало достаточно осуществленнымъ въ нашей церкви и желаемъ, чтобы это начало въ нашихъ церковныхъ учрежденіяхъ было выдержано и развито шире и ближе къ тому типу, какой оно имѣетъ въ правилахъ: но конечно не усмотритъ въ нашихъ словахъ даже и малѣйшей тѣни того преступленія, въ которомъ обвиняегъ насъ нашъ обвинитель, въ несчастномъ: но... съ четырьмя точками не прозритъ, будто мы обвиняемъ государство въ слабости соборнаго начала въ нашей церкви; иначе открылась бы возможность въ томъ же обвинять и того, кто сказалъ бы: желательно бы побольше ѣсть, но... Нашъ обвинитель съ своей стороны причину этой слабости видитъ въ направленіи нашей церковно-іерархической среды, т. е. въ томъ, что противится этому само духовенство (церковно-іерархическая среда).

8) Въ подобномъ родѣ и духѣ, съ подобными же любезностями, отвѣчаетъ нашъ почтеннѣйшій про-

гивникъ и на второй, предложенный нами по поводу его проекта объ отдѣленіи отъ архіерея судной по преступленіямъ клириковъ власти, вопросъ. Сущность вопроса: *отъ кого пресвитеры, имѣющіе судить въ епархіи, получаютъ судную власть, когда съ отдѣленіемъ отъ епарх. архіерея судной надъ клириками власти, епарх. архіерей этой т. е. судной надъ клириками власти имѣть не будетъ?*—Нашъ почтеннѣйшій противникъ отвѣчаетъ: этотъ вопросъ есть совершенно праздный, придуманный только для того, чтобы запутать очень ясное дѣло; и за тѣмъ разрѣшаетъ его по примѣру Александра Македонскаго: «Они получаютъ его, т. е. ее отъ собора епископовъ *черезъ* того же епископа, который преподаетъ имъ это право и теперь.» Какъ повидимому просто ларчикъ открывался! Въ двухъ строкахъ все разрѣшено. Нашъ дальновидный противникъ упустилъ при этомъ изъ виду только одно не важное обстоятельство: теперь пресвитеры получаютъ власть суда отъ епископа, который имѣетъ судную надъ клириками его епархіи власть, а при осуществленіи предположеній нашего почтеннѣйшаго противника епарх. епископъ не будетъ имѣть судной надъ клириками его епархіи власти. Какъ же онъ преподастъ имъ то, чего самъ не имѣетъ? Можетъ ли другому преподавать то, чего самъ не имѣетъ! Почтеннѣйшій противникъ нашъ, считающій это возможнымъ, долженъ бы представить хотя одинъ примѣръ такого права, или части власти, которая епископъ пресвитеру преподавалъ бы, а самъ однакоже не имѣлъ бы. Ни одного такого права нѣтъ и быть не

можетъ. Нашъ почтеннѣйшій противникъ, конечно, не знаетъ іерейской ставленной грамоты, когда высказываетъ такую мысль. Въ этой грамотѣ архіерей свидѣтельствуемъ: «посвятили мы во іереа и утвердили ему власть тайнами святыми совершати чловѣка въ жизнь христіанскую духовную, крестити, миропомазывать, исповѣдывать, литургисати, вѣнчати по волѣ и согласію мужа и жены, и елеосвященіе надъ болящими совершати, надъ здоровыми же никакоже дерзати творити, и вся церковная послѣдованія и чины дѣйствовати, яко служителю Христову и строителю таинъ Божіихъ.... Подобаеть же ему іерею.... исповѣдавшихъ ему своя совѣсти вязати и рѣшити благоразсудно по правиломъ святыхъ апостолъ и ученію богоносныхъ отецъ, по уставу же святыхъ восточныхъ церкви, и по нашему постановленію и повелѣнію: *взящыя же и неудоборазсудныя вины предлагати намъ*». Всѣ эти права, которыя архіерей преподаеть іерею, онъ имѣеть и самъ, и по одному изъ этихъ правъ, *составляющему основаніе и корень* (Прав. Обзор. 1871 ноябрь 690 обвинит. акта отд. 2). *судной власти*, іереи находятся подъ непосредственнымъ и особеннымъ руководствомъ архіерея.—Указаніе нашего дальновидѣйшаго противника на то, что и теперь имѣеть право судить каждый пресвитеръ-членъ консисторіи, совсѣмъ не достигаетъ предположенной имъ цѣли: нынѣ имѣеть, потому что и архіерей имѣеть и ему поручаетъ (Прав. Обзор. 1870, 2, 598, 604 статья г. Соколова). А какъ будетъ имѣть пресвитеръ судную власть, когда архіерей имѣть ея не будетъ? вотъ въ чемъ вопросъ,

котораго и нельзя разрѣшить по примѣру Александра Македонскаго. — Другая обыкновенная и часто употребляемая нашимъ почтеннѣйшимъ противникомъ стратегема также не достигаетъ цѣли и должна быть имъ окончательно оставлена. Сущность этой стратегемы, безцеремонно эксплуатируемой, состоитъ въ томъ, что, по проекту почтеннѣйшаго противника нашего, кромѣ епархіальныхъ судовъ предполагаются еще двѣ судебныя виѣепархіальныя инстанціи — окружная апелляціонная и синодальная кассационная, состоящая преимущественно изъ архіереевъ. Слѣдовательно, заключаетъ нашъ почтеннѣйшій противникъ, судная власть у архіерея не отнимается. Но эта стратегема такъ любопытна, что нельзя не привести ея *in extenso* подлинными выраженіями нашего почтеннѣйшаго противника. Онъ вѣщаетъ: «можно ли, слѣдуя законамъ простой логики, говорить объ отнятій судной власти у епископа на томъ основаніи, что сохраняя всѣ высшія права ея, участвуя, *по назначенію церковной власти*, въ отправленіяхъ двухъ высшихъ инстанцій, епископъ не будетъ непосредственно вмѣшиваться въ дѣла двухъ низшихъ? Изъ того, что епископъ не будетъ ни мировымъ судьей, ни членомъ епархіальнаго суда, а будетъ, *по усмотрѣнію высшей власти*, принимать участіе въ дѣятельности двухъ важнѣйшихъ инстанцій, сосредоточивающихъ въ себѣ всѣ окончательныя рѣшенія по важнымъ дѣламъ, можно ли по законамъ логики выводить, что епископъ совсѣмъ лишается судной власти, она отнимается у него? Нельзя же епископу участвовать во всѣхъ судебныхъ инстанціяхъ, и

изъ того, что въ которой нибудь изъ нихъ онъ непосредственно не участвуетъ, нельзя заключать, что судная власть отнята у него» (Прав. Обзор. 1871, Ноябрь 691.).—Таковы соображенія нашего почтеннѣйшаго противника: при внимательномъ изученіи ихъ приходишь въ крайнее недоумѣніе. Одно изъ двухъ—или онъ — воображаетъ всѣхъ насъ дѣтьми, или самъ разсуждаетъ, какъ младенецъ. Дѣло идетъ о томъ, что епархіальный епископъ не долженъ участвовать въ епархіальномъ судѣ его епархіи. Этому домогается нашъ противникъ. Мы, уступивъ на время этому его домогательству, предложили вопросъ: при отдѣленіи отъ епархіальнаго епископа судной власти, или отнятіи ея у него,—отъ кого получать пресвитеры—члены епархіальнаго суда судную власть?—Почтеннѣйшій противникъ нашъ отвѣчаетъ, какъ мы сейчасъ видѣли: отъ собора епископовъ чрезъ епископа; и утверждаетъ, что судная власть у епископа не отнимается: ибо де онъ можетъ, по назначенію церковной власти, участвовать въ отправленіяхъ двухъ высшихъ инстанцій—окружной—апелляціонной и синодальной—кассационной (по его предположеніямъ). «Можно ли», продолжаетъ нашъ противникъ, «слѣдуя законамъ простой логики, говорить объ отнятіи судной власти у епископа на томъ основаніи, что онъ не будетъ вмѣшиваться въ дѣла двухъ низшихъ (т. е. епархіальныхъ) инстанцій»? Нетолько можно, но и должно говорить объ отнятіи у епархіальнаго архіерея судной власти въ епархіи, потому что онъ, по предположеніямъ нашего противника, не будетъ вмѣшиваться въ судныя дѣла епархіальныхъ су-

дебныхъ инстанцій, а объ этомъ вѣдь и весь вопросъ былъ: это только мы и защищали, объ отнятіи этой только власти и говорили. Можно и должно говорить объ отнятіи у епархіального архіерея судной власти, даже и въ случаѣ принятія проэктовъ нашего почтеннѣйшаго противника: вѣдь и по его проэктамъ не всѣ епархіальные епископы будутъ участвовать въ апелляціонномъ и кассационномъ судѣ, т. е. окружномъ судѣ и Синодѣ, а только нѣкоторые по назначенію церковной власти (а не по праву своего архіерейста); большая же часть епархіальныхъ епископовъ и въ судѣ этихъ высшихъ инстанцій участвовать не будетъ. Слѣдовательно, большая часть епископовъ не будетъ участвовать въ судной власти ни въ низшихъ инстанціяхъ, ни въ высшихъ, и слѣдовательно лишена будетъ совсѣмъ судной власти. Это такъ просто, это такъ ясно. Будетъ ли и послѣ этаго нашъ дальновиднѣйшій и остроумнѣйшій противникъ твердить: *а все-таки она вертится*, а все-таки судная власть у епархіального епископа не отнимается? Вопросъ: отъ кого будутъ получать судную власть пресвитеры тѣхъ епархій, архіерей которыхъ не будутъ участвовать въ судной власти двухъ высшихъ, внѣ-епархіальныхъ инстанцій остается и послѣ выше-приведенныхъ ухищреній нашего противника неразрѣшеннымъ.—«Вынесъ ли я изъ церкви, отнялъ ли у ея іерархіи хотя одно какое нибудь право въ отношеніи къ суду» (685) спрашиваетъ насъ нашъ противникъ. Мы отвѣчаемъ: его проэктомъ отнимается у епархіального архіерея принадлежащее ему на основаніи Слова Божія и канонѣвъ право

суда надъ подчиненными ему клириками его епархіи, и предлагать такой вопросъ есть дѣло необычайной храбрости.

Почтеннѣйшій противникъ нашъ за симъ представляетъ соображенія, имѣющія цѣлію приводить къ убѣжденію, что отнятіе у епархіальнаго архіерея судной власти вообще, или только въ епархіи, можетъ быть произведено церковною властію безъ затрудненія. Онъ говоритъ: «Епископъ прежде всего существуетъ въ церкви, какъ органъ и раздаватель высшихъ духовныхъ правъ ея іерархіи, потомъ въ епархіи, — какъ опредѣленномъ условными географическими предѣлами округъ, поручаемомъ его вѣдомству, — высшею церковною властію. *Объемъ округа, объемъ правъ и полномочій, предоставляемыхъ въ немъ лично тому или другому епископу, можетъ быть разнообразенъ по усмотрѣнію высшей церковной власти.* Но существенныя права, принадлежащія его сану, одніи и тѣже и тѣмъ или другимъ распределеніемъ вѣшняго проявленія этихъ правъ они не колеблются ни мало, не нарушаются и уже никакъ не отнимаются»... Затѣмъ въ разрѣшеніе нашего вопроса: почему въ одномъ мѣстѣ (т. е. въ епархіи) епископъ не судитъ, и откуда получаетъ право судить переходя въ другое (т. е. въ Синодъ), — нашъ почтеннѣйшій противникъ отвѣчаетъ: «потому что *высшая церковная власть имѣетъ полное право распределять судебную дѣятельность между своими органами въ различномъ объемѣ, въ различныхъ инстанціяхъ и на различныхъ мѣстахъ, слѣдуя указаніямъ нужды церкви и своимъ собственнымъ соображеніямъ: назначитъ*

того или другаго епископа быть членомъ высшей синодальной или окружной инстанціи, и онъ будетъ судить въ нихъ; найдетъ нужнымъ для блага церкви, чтобы епископъ не вмѣшивался въ судебныя отправленія двухъ низшихъ инстанцій, и онъ не будетъ судить въ нихъ» (Прав. Обозр. Ноябрь 1871, 691, 692).—Признаемся,—мы были бы весьма изумлены, если бы слышали подобныя разсужденія и отъ кого либо другаго. Отъ всякаго, сколько нибудь понимающаго дѣло, мы сочли бы себя въправѣ требовать знанія, что объемъ правъ и полномочій, предоставляемыхъ въ епархіи лично тому или другому епископу, не можетъ быть разнообразенъ по усмотрѣнію высшей церковной власти: одни и тѣже права и полномочія предоставлены высшею церковною и государственною властію — архіерею рязанскому, ярославскому, калужскому, смоленскому, и всѣмъ до единаго—ни болѣе, ни менѣе одному противъ другаго, одинъ для всѣхъ уставъ, тѣже для всѣхъ законы. И все это по простой, но ускользнувшей отъ вниманія нашего ученѣйшаго противника причинѣ: всѣ епископы, по значенію своего сана и духовной власти, равны между собою, потому что и Апостолы получили отъ Иисуса Христа общія и равныя права власти: Петръ не больше Іоанна, а Іаковъ не меньше Петра (Іоан. 20, 21—23. Гал. 2, 6—11.). Не бывало въ исторіи Православной церкви примѣра, чтобы одинъ православный епархіальный епископъ имѣлъ болѣе или менѣе правъ въ качествѣ епархіальнаго епископа, чѣмъ всѣ прочіе епархіальные епископы: потому что объемъ правъ и полномочій, предоставляемыхъ епар-

хiальному епископу въ епархіи, опредѣляется не усмотрѣніемъ высшей церковной власти, а церковными канонами и законами для всѣхъ епархіальныхъ епископовъ одинаковыми, а для высшей церковной власти обязательными. — Такого же свойства и достоинства и послѣднія разсужденія. «Назначитъ высшая церковная власть того или другаго епископа быть членомъ высшей синодальной или окружной инстанціи, и онъ будетъ судить въ нихъ; найдетъ нужнымъ для блага церкви, чтобы епископъ не вмѣшивался въ судебныя отправленія двухъ низшихъ (т. е. епархіальныхъ) инстанцій — и онъ не будетъ судить въ нихъ». Здѣсь нашъ противникъ воображаетъ высшую церковную власть какимъ-то вольнымъ учрежденіемъ, которое ничѣмъ не стѣсняясь, ничѣмъ не ограничиваясь, можетъ творить, что хочетъ, — руководясь только нуждами церкви и своими собственными соображеніями. Есть еще нѣчто такое, чѣмъ высшая церковная власть руководствуется въ своей дѣятельности и отъ чего не отступаетъ: Слово Божіе и правила церковныя. Въ виду этихъ-то основаній дѣятельности церковной власти и открывается возможность разсуждать о томъ, можетъ или не можетъ церковная власть сдѣлать то или другое. Выставленное нашимъ почтеннѣйшимъ противникомъ общее положеніе, будто «высшая церковная власть имѣетъ полное право распределять судебную дѣятельность между своими органами въ различномъ объемѣ, въ различныхъ инстанціяхъ и на различныхъ мѣстахъ, слѣдуя только указанію нуждъ церкви и своимъ собственнымъ соображеніямъ», могло бы приводить и къ такому за-

ключенію, что церковная власть можетъ, на основаніи указанныхъ соображеній, поручить судную въ церкви власть причетникамъ.

Особенно несчастливится нашему почтеннѣйшему противнику въ доведеніи нашихъ мыслей *ad absurdum*. Такъ, для окончательнаго увѣренія читателя въ логической несостоятельности той нашей мысли, что епархіальный архіерей, не имѣющій власти производить въ епархіи судъ, долженъ быть призначь лишеннымъ судебной власти, нашъ почтеннѣйшій противникъ выводитъ изъ нашей мысли слѣдующій *quasi*—абсурдъ: «но логикъ моего критика выходило бы, что представитель верховной государственной власти, не будучи членомъ ни въ одномъ изъ судовъ, не имѣеть, лишень судебной власти и не можетъ назначить члена ни въ одинъ судъ» (Прав. Обзор. 1871. 2, 691). Что это абсурдъ не нашей мысли, а собственной нашего почтеннѣйшаго противника, для убѣжденія въ этомъ довольно обратитъ его вниманіе на то, чье изображеніе стоитъ на самомъ видномъ мѣстѣ въ судебномъ присутствіи и чьимъ именемъ производится судъ. Если бы таково же было отношеніе епархіальнаго архіерея къ епархіальному суду; то мы никакъ не сказали бы, что епархіальный архіерей лишень судной власти.— Упустивъ изъ виду это различіе между отношеніемъ Верховной Власти къ суду и положеніемъ архіерея по проекту нашего почтеннѣйшаго противника, онъ сочинилъ свой собственный абсурдъ и выдаетъ его за нашъ.

Не лучше и другой образчикъ употребленія нашимъ почтеннѣйшимъ противникомъ этого оружія.

Въ п. 4 мы усматривали противорѣчія и несообразность, которыя произойдутъ въ случаѣ отдѣленія отъ епархіальнаго епископа судной надъ клириками его епархіи власти, при сохраненіи за нимъ судной власти въ высшей церковно-судной инстанціи — въ Святѣйшемъ Синодѣ. Мы спрашивали, — какимъ образомъ можно будетъ изъяснить и примирить то положеніе, что епископъ, находясь въ одномъ мѣстѣ (т. е. въ епархіи) не имѣетъ права суда, а переходя въ другое (т. е. въ Св. Синодѣ) имѣетъ? Нашъ почтеннѣйшій противникъ находитъ это не страннымъ, а смѣшнымъ. Онъ спрашиваетъ: «почему въ самомъ дѣлѣ рязанскій епископъ не судитъ въ Ярославль, а ярославскій въ Рязани, и почему ни тотъ, ни другой, не будучи вызваны въ Синодъ, не производятъ суда въ немъ». Остроуменъ въ самомъ дѣлѣ нашъ почтеннѣйшій противникъ, и своимъ остроуміемъ сразу поразилъ, -- только, кажется, не своего непріятеля, а самаго себя, или свое неразумнѣе мысли, выраженной весьма ясно и недоступной ни для какого перетолкованія.

9) Въ отвѣтъ на третій нашъ вопросъ—о существѣ и основаніи принадлежности церковно-судной власти епархіальному архіерею—нашъ почтеннѣйшій противникъ развиваетъ свою новозобрѣтенную теорію *епископства in toto* въ противоположность отдѣльному епископу. Сущность этой теоріи, по изложенію нашего почтеннѣйшаго противника, состоитъ въ слѣдующемъ: «отдѣльный епископъ никакъ не можетъ быть названъ источникомъ, или средоточіемъ всѣхъ духовныхъ правъ христіанина, или служителя церкви, не въ немъ полнота священнонача-

лія въ церкви, не онъ представитель законодательной власти, не въ немъ источникъ хиротоніи, не онъ корень и основаніе судной власти въ церкви. Вся эти верховныя права въ своей полнотѣ и независимости принадлежать собору епископовъ, *епископству in toto*, а не отдѣльному епископу. Послѣдній въ духовной жизни церкви есть органъ, раздаятель духовныхъ правъ, а не источникъ ихъ; въ правахъ внѣшней юрисдикціи онъ является посредствующимъ звѣномъ въ іерархическомъ союзѣ съ церковію и съ епископствомъ, а не полновластнымъ господиномъ этихъ правъ; въ отношеніи къ законодательной власти, принадлежащей епископству, онъ есть исполнитель и блюститель исполненія постановленныхъ епископствомъ законовъ. Ему, какъ органу епископства, предоставлено сообщать чрезъ хиротонію санъ пресвитерскій, но онъ не можетъ безъ епископства лишиться этого сана; вся его дѣятельность въ предоставленныхъ высшею церковною властію предѣлахъ совершается подъ надзоромъ епископства, предъ которымъ онъ отвѣтственъ въ употребленіи предоставленныхъ ему правъ» (Прав. Обозр. 1871, Ноябрь, 695). Такова новоизобрѣтенная нашимъ почтеннѣйшимъ противникомъ теорія. Доказательство въ пользу основательности этой теоріи приводится одно—именно то, что употребленіе священно-начальственныхъ правъ или прекращеніе ихъ не связаны съ личностію того, или другаго епископа, который можетъ умереть, быть отсѣченъ отъ церкви, уволенъ отъ управленія, но пресвитеры, получившіе чрезъ него свои іерархическія права, не смотря на все это, сохраняютъ ихъ въ пол-

ной силѣ и неприкосновенности и не нуждаются въ новомъ ихъ подтвержденіи. Другихъ доказательствъ нашъ почтеннѣйшій противникъ не представляетъ, но дѣлаетъ намъ упрекъ, почему и мы не послѣдовали его примѣру и не изложили той же теоріи, или не присоединились къ его теоріи. Мы не сдѣлали этого по той простой причинѣ, что теорію нашего почтеннѣйшаго противника *почитаемъ совершенно ложною*, утвержденною не на твердыхъ доказательствахъ, а на пустыхъ софизмахъ и недоразумѣніяхъ. Епископъ не комиссіонеръ, не прикащикъ епископства, какъ старается представить нашъ уважаемый противникъ; а есть обладатель Божественныхъ, іерархическихъ правъ, утверждающихся на Божественномъ полномочіи, правъ, которыхъ не можетъ безъ суда у епископа ни отнять, ни даже ограничить цѣлое епископство не только помѣстной православной церкви, но и всей православной церкви; потому что имѣеть эти права епископъ не по порученію епископства, а по Божественному полномочію, на основаніи Слова Божія; не можетъ преподать ихъ ему въ какомъ нибудь иномъ видѣ и объемѣ, кромѣ ясно и точно определеннаго Слономъ Божиимъ и канонами. Если бы отъ порученія епископства исходили права отдѣльнаго епископа, то и объемъ этихъ правъ могъ бы измѣняться. И однако же никогда этого не бывало, никогда епископство не присвоило себѣ власти измѣнять объемъ правъ отдѣльнаго епископа, потому что справедливо почитало права отдѣльнаго епископа основанными на высшемъ полномочіи, котораго не могло касаться. Нашъ почтеннѣйшій про-

тивникъ говоритъ: ему (т. е. отдѣльному епископу), какъ органу епископства предоставлено сообщать чрезъ хиротонію санъ пресвитерскій,—и говоритъ совершенную ложь. Развертываемъ ставленныя грамоты почтеннѣйшихъ іереевъ-редакторовъ Православнаго Обозрѣнія и читаемъ въ нихъ: «*Божією милостію Смиранный Филаретъ Митрополитъ Московскій и Коломенскій. По благодати дару и власти Всесвятаго и Живоначальнаго Духа, данный намъ отъ самаго великаго Архіерея Господа нашего Иисуса Христа, чрезъ святыхъ и священныхъ Апостолы и ихъ памѣстники и преемники, благоговѣннѣйшаго сего мужа Н. Н. всякимъ первѣе опаснымъ истязаніемъ прилежно испытавше и достовѣрными свидѣтельствами, наипаче духовнаго его отца о немъ увѣрившеся, по обычаю и чину Святыхъ Апостольскія Восточныя Церкви, благословеніемъ и рукоположеніемъ нашимъ, содѣйствующу тому жеде Животворящему и Всесовершающему Святому Духу, посвятили мы во іереа и утвердили ему власть и т. д..* Подобаетъ же ему по нашему повелѣнію и по своей должности... Есть ли здѣсь, въ этомъ документѣ хотя одно слово, хотя одна буква о томъ, что епископу какъ органу епископства предоставлено сообщать чрезъ хиротонію санъ пресвитерскій? По этому документу, важности котораго ни почтеннѣйшій противникъ нашъ, ни его хозяева конечно не будутъ оспаривать, епископъ по благодати, дару и власти Всесвятаго и Живоначальнаго Духа, данной ему отъ самаго великаго Архіерея Иисуса Христа (а не отъ епископства), чрезъ Апостоловъ и ихъ преемниковъ

посвящаетъ благоговѣйныхъ мужей-пресвитеровъ. Нашъ ученѣйшій противникъ, какъ свѣтскій человекъ могъ конечно не знать этого документа. Удивительно то, какъ не исправилъ его ложныхъ измышленій его хозяева. Они, намъ кажется, должны бы знать основу своего іерейскаго бытія, свою священническую азбуку, которую они обязаны прочитывать по часту. Для справки нашему ученѣйшему противнику укажемъ Тит. 1, 5 и 1 Тим. 5, 22 и 2 Апостольское правило, гдѣ говорится о томъ же предметѣ, но ни слова въ подтвержденіе его теоріи, и попросимъ просвѣтить наше въ этомъ дѣлѣ невѣжество не соображеніями и измышленіями, не краснорѣчіемъ, а хотя однимъ словомъ изъ общепризнанныхъ документовъ и доказательствъ, которое для насъ цѣннѣе всей его фразеологіи.

Къ раскрытію и объясненію теоріи епископства *in toto* принадлежитъ повсюду и съ особеннымъ натискомъ употребляемое нашимъ противникомъ обозначеніе образа преподанія священныхъ правъ епископомъ пресвитеру. Источникъ всѣхъ іерархическихъ правъ, по мнѣнію нашего противника, — въ соборъ епископовъ; отъ собора епископовъ онъ преподается пресвитерству *черезъ* отдѣльнаго епископа (515, 692, 695 и др.).—Опять собственномудренныя измышленія нашего противника, не имѣющія ни малѣйшаго основанія ни въ чемъ, кромѣ сго изобрѣтательной фантазіи. Изъ іерейской граматы, буквально приведенной нами выше, мы видѣли, что благодать, даръ и власть Всесвятаго и Живоначальнаго Духа дана епископу *отъ* самаго великаго Архіерея, Господа нашего Іисуса Христа *черезъ* святыхъ Апо-

стола и ихъ наѣстники и преемники. Теперь должны изъяснить нашему противнику и хозяевамъ его, что *отъ* епископа, а не *черезъ* епископа отъ епископства преподается пресвитеру священно-начальственная власть. И сіе ясно изъ документа, авторитетъ котораго, конечно, не будетъ подвергнутъ ни малѣйшему пререканію. Въ молитвѣ, тайно глаголемой при хиротоніи пресвитера, епископъ молится: *самъ Владыко всѣхъ и сего, егоже благоволи еси проручествоватися отъ мене* (а не *черезъ* мене отъ епископства) *въ испорочномъ жительствѣ, и не уклонной вѣрпъ благоволи подъяти великую сію благодать Святаго Твоего Духа* и т. д. *Αὐτὸς Δέσποτα τῶν ἀπάντων καὶ τῆτον ὄν ἐδοχήμασας προχειροβήῃσαι παρ' ἐμῆ* (а не: *δι' ἐμῆ*).—Отношенія епископа къ епископству *in toto* т. е. ко всѣмъ епископамъ православной церкви въ документахъ изображается не такъ какъ въ фантазій нашего противника. Въ архіерейскомъ обѣщаніи отношенія сіи опредѣляются весьма ясно и точно. Здѣсь хиротонисуемый во епископа говоритъ: *обѣщаюся... повиноватися всегда Святѣйшему, Правительствующему Всероссійскому Синоду, яко правильной власти: и преосвященнымъ митрополитомъ, архіепископомъ и епископомъ брѣтїи моей во всемъ согласну быти и купночину* (а не: *подчиненну*) *по Божественнымъ законамъ и священнымъ правиломъ св. Апостолъ и св. Отецъ, и любовь веедушно къ нимъ имѣти и яко брѣтїю почитать.*—Документы не даютъ нашему противнику ни одного шага въ его фантастическихъ походахъ; и не даромъ же все это и сему подобное оны почитаетъ мусоромъ.

«Онъ (т. е. отдѣльный епископъ) не можетъ безъ епископства лишить пресвитера пресвитерскаго сана», продолжаетъ нашъ ученѣйшій противникъ, и опять говоритъ совершенную ложь. Не говоря уже о правилахъ, по которымъ пресвитеры извергаются отъ сана ихъ епископомъ (Антіох. 4, 6 и др.), мы для ученѣйшаго противника нашего укажемъ на нынѣшній порядокъ, опредѣленный уставомъ Консисторій. Въ ст. 181 сего устава читаемъ: *священнослужители, присуждаемые рѣшеніями епархіальнаго начальства, къ лишенію сана, допускаются къ объявленію удовольствія или неудовольствія на таковыя рѣшенія. Если подсудимый объявитъ удовольствіе, или не объявитъ неудовольствія, рѣшеніе приводится въ исполненіе, и объ ономъ доносится Святѣйшему Синоду къ свѣдѣнію.*—Ученѣйшій противникъ нашъ, можетъ ли отдѣльный епископъ безъ епископства лишить пресвитера пресвитерскаго сана?—

Не довольно ли для доказательства неосновательной теоріи нашего ученѣйшаго противника? Или сказать и о силѣ представленнаго имъ доказательства? «Что не въ отдѣльномъ епископѣ корень и источникъ священноначальственныхъ правъ», аргументируетъ свою мысль нашъ ученѣйшій противникъ, «это ясно видно изъ того, что уногребленіе этихъ правъ или прекращеніе ихъ не связаны съ личностію того или другаго епископа; онъ можетъ умереть, быть отсѣченъ отъ церкви, уволенъ отъ управленія». Если бы это доказательство могло имѣть хотя малѣйшую силу; то разомъ оказалось бы, что нѣтъ никакихъ на землѣ учрежденій имѣю-

щихъ въ себѣ корень и источникъ своихъ правъ: ибо каждый изъ людей можетъ умереть. И представитель Верховной Государственной Власти смертенъ, слѣд., по логикѣ нашего глубокомысленнаго противника, выйдетъ, что корень и источникъ Верховной Власти не въ немъ. Корень и источникъ правъ, конечно, не въ лицахъ смертныхъ, а въ идеяхъ не умирающихъ, въ учрежденіяхъ, утверждающихся на этихъ идеяхъ; и въ настоящемъ случаѣ корень и источникъ священноначальственныхъ правъ каждаго епископа заключается въ благодати Святаго Духа и Христа, какъ это видно изъ ставленной іерейской грамоты. И по этому-то неприходится запираить церкви, когда епископская кафедра какой-либо епархіи остается незамѣщенной. Идея епископа вѣчна, и власть его продолжится до конца вѣковъ: носители идеи—люди—смертны.

Вся измышленная нашимъ почтеннѣйшимъ противникомъ теорія отношеній епископа къ епископству, по которой епископъ есть простой прикащикъ епископства, принадлежитъ къ области тѣхъ изобрѣтеній, которыя въ будущемъ доставятъ ему славу. Насъ одно нѣсколько сбиваетъ съ толку: не есть ли это изобрѣтеніе *ad hoc*? И не брошено ли оно будетъ и изобрѣтателемъ по минованіи въ томъ надобности? Появленіе этой теоріи именно въ 1871 году, послѣ появленія этого вопроса (т. е. даже послѣ Марта), дастъ полную силу вѣроятія этому предположенію. Прежде не было ни слова объ этой теоріи ни въ статьяхъ почтеннѣйшаго противника нашего, ни вообще на страницахъ его журнала.

10) Мы говорили, что при устроеніи епархіаль-

ныхъ судовъ изъ однихъ пресвитеровъ безъ участія въ нихъ епископовъ оказалось бы, что они отнимаютъ не ими данное, когда присуждаютъ къ лишенію священства, которое преподаютъ не пресвитеры, а архіерей. Нашъ почтеннѣйшій противникъ отвѣчаетъ, что по его плану не такъ. По его плану епархіальные суды, состоящіе изъ однихъ пресвитеровъ, будутъ конечно приговаривать ко всемъ наказаніямъ; но не всѣ приговоры ихъ будутъ окончательны, а нѣкоторые, опредѣляющіе тяжкія наказанія, будутъ подлежать обжалованію чрезъ протестъ и апелляцію, а приговоры, опредѣляющіе крайнія наказанія—отрѣшеніе отъ должности съ изведеніемъ въ причетники и лишеніе сана, будутъ восходить еще на ревизію высшей соборной власти епископовъ (Прав. Обозр. 1871, Ноябрь, 697). Таковъ планъ, а вотъ и доказательства: «по этому плану», говоритъ нашъ почтеннѣйшій противникъ, «не усвоится пресвитерамъ ни одного такого права, которымъ и теперь не облакала бы ихъ высшая власть церковная. Право оштрафованія денежнаго, и даже удержанія отъ священнодѣйствія или требоисправленія предоставляется и теперь даже одному пресвитеру-благочинному (см. изд. Св. Синодомъ инструкцію благочинному § 57).»—Нашъ противникъ говоритъ неправду. Всѣ права, усвоаемыя, по его плану, пресвитерамъ, новыя и нынѣ имъ не принадлежатъ; ибо нынѣ ни къ какому наказанію (кромѣ внушенія при причтѣ) ни одинъ пресвитеръ, ни коллегія пресвитеровъ не можетъ приговорить другаго пресвитера безъ утвержденія приговора епархіальнымъ архіереемъ. Ссылка же на

инструкцію Благочиннымъ еще разъ обличаетъ незнаніе нашего противника. По благочиннической инструкціи ни право оштрафованія денежнаго, ни право удержанія отъ священнодѣйствія или требоисправленія не предоставляется благочинному и 57 §, на который ссылается онъ, въ инструкціи нѣтъ: всѣхъ §§ въ ней только 52. Инструкція, на которую, какъ на дѣйствующую, онъ ссылается, не дѣйствуетъ уже въ теченіе 14 лѣтъ, а именно съ 1857 года; а онъ и не подозреваетъ этаго. По дѣйствующей нынѣ инструкціи благочинный имѣетъ власть оштрафовать священника только внушеніемъ при причтѣ (п. 49). Одинъ только разъ въ двухъ своихъ противъ насъ статьяхъ нашъ противникъ приводитъ документъ, и то не въ силу и себѣ самому не въ пользу.

11) Но еще болѣе милъ и любезенъ нашъ ученѣйшій противникъ въ дальнѣйшихъ по этому вопросу разсужденіяхъ,—именно по вопросу о лишеніи сана пресвитера. Онъ говоритъ: «по вопросу о лишеніи сана пресвитера, даже еслибы и епископъ участвовалъ въ судѣ епархіальной инстанціи (какъ это существуетъ теперь), приговоръ, по канонамъ церкви и существующей практикѣ, не могъ бы быть окончательнымъ, и подлежалъ бы разсмотрѣнію и утвержденію собора епископовъ. Противъ этой очевидности фактовъ нечего было возразить моему критику, и онъ, *забывая каноны*, ищетъ защиты въ новыхъ судебныхъ уставахъ 1864 года, хотя они, какъ произведеніе современныхъ научныхъ требованій и потребностей современной жизни, не должны бы служить для него авторитетомъ,

даже едва ли могутъ быть сочувственны ему по своимъ принципамъ. Онъ говоритъ, что переносить дѣло въ такихъ случаяхъ (т. е. по вопросу о лишеніи священства), въ Святѣйшій Синодъ значило бы войти въ коренное противорѣчіе съ началами судебныхъ уставовъ 1864 года, которыми ревизіонный порядокъ восхожденія дѣлъ изъ низшей инстанціи въ высшую отмѣненъ и дѣла восходятъ только по апелляціямъ и протестамъ прокуроровъ. Что же? значить въ согласіи съ судебными уставами нужно предоставить одному архіерею право лишать пресвитера священнаго сана и не подвергать его приговоръ разсмотрѣнію и утвержденію собора епископовъ? Нѣтъ, г. критикъ, я пойду въ этомъ случаѣ *противъ судебныхъ уставовъ и въ согласіи съ канонами и церковною практикою* буду настаивать, чтобы подобныя приговоры, будутъ ли они составлены въ епархіальномъ судѣ съ участіемъ епископа, или безъ его участія, непременно разсматривались и утверждались соборомъ епископовъ, ибо только онъ, какъ источникъ правъ сообщаемыхъ пресвитеру чрезъ епископа, можетъ и лишать этихъ правъ» (Прав. Обзор. Ноябрь 1871 698.)—Остерегитесь, нашъ ученѣйшій противникъ: вы бъете прямо лбомъ въ стѣну. Благочестивому обращенію вашему къ канонамъ и нынѣшней церковной практикѣ мы, конечно, не можемъ не радоваться. Но въ вашу-то пользу отъ этого ничего не произойдетъ. Все, что вы сейчасъ сказали, есть мыльный пузырь. Ни каноны, ни нынѣшняя церковная практика не знаютъ ревизіоннаго порядка восхожденія дѣлъ, въ случаѣ приговоровъ о лишеніи сана. Въ канонахъ нѣтъ

ни одной буквы о ревизиозномъ порядкѣ и указывается только одинъ порядокъ восхожденія дѣлъ сего рода изъ нижней инстанціи въ высшую апелляціонный,—по жалобамъ подвергшихся приговору (Сардик. 14 Карѳ. 11 и др.). Причина весьма проста: ревизионный порядокъ восхожденія дѣлъ есть принадлежность слѣдственнаго процесса; каноны же получили начало во время господства процесса обвинительнаго, и потому въ нихъ не могло быть и рѣчи о ревизионномъ порядкѣ. Ревизионный порядокъ восхожденія дѣлъ есть принадлежность слѣдственнаго процесса, и невозможенъ въ процессѣ обвинительномъ, гдѣ судъ возбуждается къ дѣятельности только двумя стимулами—обвиняющею стороною, или обвиняемою; и безъ этихъ стимуловъ не можетъ приступить къ дѣятельности. Нѣтъ этаго порядка и въ нынѣшней практикѣ по дѣламъ о лишеніи сана. Въ 181 ст. Устава Консисторій, приведенной нами выше, точно опредѣляется, что дѣла о лишеніи сана отъ епархіальнаго суда могутъ восходить въ Святѣйшій Синодъ *только по апелляціонному отзыву приговореннаго къ лишенію сана*; безъ этого отзыва приговоръ епархіальнаго суда приводится въ исполненіе безъ ревизіи Святѣйшаго Синода.—И мы въ нашей первой апологій не привели указанія на каноны и нынѣшнюю практику не потому, чтобы намъ нечего было сказать противъ этой очевидности фактовъ, какъ объясняетъ дѣло нашъ ученѣйшій противникъ, ибо никакой ни очевидности, ни неочевидности не было, какъ и самыхъ фактовъ, но по преувеличенному понятію нашему о каноническихъ свѣдѣніяхъ его:

полагали, что это ему известно, и ошиблись. Нашъ почтеннѣйшій противникъ непонимаетъ связи и основанія—почему право лишать пресвитера священнаго сана принадлежитъ одному архіерею, а не собору архіеревъ. Это—по той простой причинѣ и очевидной, что и преподается священный санъ пресвитеру однимъ епископомъ. Какъ преподается однимъ, такъ и отнимается однимъ же. И если нашъ почтеннѣйшій противникъ будетъ требовать, чтобы пресвитеръ былъ лишаемъ сана по приговору собора епископовъ, то онъ долженъ будетъ непременно требовать, чтобы и поставляемы были пресвитеры соборомъ епископовъ. Если почтеннѣйшій противникъ нашъ будетъ требовать, и доказывать, что пресвитеръ можетъ быть лишаемъ сана пресвитерами безъ архіерея, или архіереевъ, то и посвященіе пресвитера должно быть совершаемо не архіереемъ, а пресвитерами. Связь между тѣмъ и другимъ самая тѣсная и разорвать ее нельзя: испортишь все.

12) Мы указывали въ первой нашей апологіи на противорѣчія между мыслями нашего почтеннѣйшаго противника, высказанными имъ въ 1870 году, и тѣми, которыя онъ предложилъ въ мартовской книжкѣ Прав. Обозр. 1871 г. Эти противорѣчія такъ поразительны, такъ были для насъ неожиданны, что мы не удержались отъ предложенія нашему противнику вопроса: какъ понимать и изъяснять эти непослѣдимыя противорѣчія его самому себѣ?

Нашъ противникъ отвѣчаетъ на это очень просто, что противорѣчій этихъ не существуетъ, и что это произошло оттого, что мы будто бы читали въ его статьяхъ только то, что по внѣшности каза-

лось намъ подходящимъ къ нашему пониманію и оставляли безъ вниманія то, что прямо противорѣчило (507), и въ концѣ, по своей обычной любезности, предлагаетъ рецептъ, какъ нужно читать его творенія, состоящій изъ слѣдующихъ двухъ составовъ: «нечитать моихъ статей отрывочно, но обсуждать ихъ содержаніе въ цѣльномъ составѣ, не вырывать изъ нихъ отдѣльныхъ мѣстъ, толкуя ихъ безъ связи съ моимъ общимъ воззрѣніемъ и нарушая не только логическое развитіе смысла, но и грамматическую связь рѣчи» (517).

Вся сія (въ рецептъ написанная) сохранихъ отъ юности моя. Смѣемъ увѣрить нашего почтеннѣйшаго противника, что статьи его мы читали всѣ и каждую сначала до конца и не по одному разу, обсуждали содержаніе ихъ въ полномъ составѣ и въ связи съ его общимъ воззрѣніемъ, только не будущимъ, которое онъ хочетъ подложить, а прошедшимъ по отношенію къ каждой статьѣ и настоящимъ, т. е. въ самой статьѣ заключающемся.

Читая, напримѣръ, сентябрьскую статью 1870 года, мы принимали во вниманіе общее воззрѣніе ея автора, выразившееся какъ въ этой самой статьѣ, такъ и въ предшествующихъ майской и іюньской; но не принимали и не могли принимать во вниманіе его воззрѣній до того времени и въ то время публично не выраженныхъ, не могли принимать во вниманіе его воззрѣній выраженныхъ въ мартѣ 1871 года. При обсужденіи его мартовскихъ воззрѣній 1871 года мы слѣдовали тому же самому началу, т. е. поставляли ихъ въ связь съ воззрѣніями выраженными въ 1870 году, а не въ октябрѣ

и ноябрь 1871 года и не съ воззрѣніями, которыя выразить въ 1872, 1873 и слѣдующихъ годахъ. Кажется, мы поступали по общечеловѣческимъ и общепризнаннымъ законамъ дѣйствованія. А противникъ нашъ требуетъ отъ насъ, чтобы мы дѣло дѣлали задомъ напередъ, чтобы въ июль 1871 года толковали его сентябрьскую (1870 года) статью при помощи его октябрьской статьи 1871 года, чтобы знали будущее, и самъ изъясняетъ свои изложенныя въ 1870 году мысли воззрѣніями, высказанными въ 1871 году.

За тѣмъ нашъ почтеннѣйшій противникъ старается изобличить насъ, якобы мы противорѣчія въ его статьяхъ открыли при помощи неспозволительныхъ средствъ: приводили то, что намъ нравилось, а не приводили того, что не нравилось; приводили одну половину мысли и опускали другую; брали одну часть предложенія и опускали другую (507, 508).— Въ нашей первой апологіи мы привели двадцать семь большихъ и малыхъ отрывковъ изъ статей почтеннѣйнаго противника нашего, напечатанныхъ имъ въ 1870 году, въ доказательство того, что онъ въ 1870 году былъ нашимъ вѣрнымъ союзникомъ, высказывалъ тѣже самыя мысли и воззрѣнія, которыхъ держимся и мы. Почтеннѣйшій противникъ нашъ нынѣ открыто утверждаетъ, что мы сдѣлали это облыжно. Изъ 27 отрывковъ онъ приводитъ четыре, смыслъ которыхъ мы будто бы исказили во вредъ ему и въ нашу пользу, сокративъ эти отрывки. Строгая справедливость требуетъ возстановить допущенныя будто бы нами неправильности. Мы приведемъ обжалованныя мѣста *in extenso*,

и, vis-a-vis съ подлинникомъ, дабы видѣть основательность жалобы.

Въ томъ отдѣлѣ нашей апологін, гдѣ мы доказывали мысль о неприкосновенномъ авторитетѣ и неизмѣнности церковныхъ правилъ вообще, послѣ разныхъ приведенныхъ нами изъ догматическихъ книгъ доказательствъ, мы заключаемъ наше объ этомъ разсужденіе слѣдующимъ образомъ: «и сему ни мало не прекословитъ нашъ вѣрный союзникъ—авторъ разсматриваемой нами статьи. Въ первой своей статьѣ о церковномъ судѣ, напечатанной въ майской книжкѣ «Православнаго Обзорѣнія» за 1870 годъ, онъ даетъ церковнымъ правиламъ слѣдующую аттестацію. «Вотъ уже почти XIX вѣковъ прошло со времени основанія христіанской церкви. Въ этотъ громадный періодъ времени, какого не пережило еще ни одно изъ христіанскихъ государствъ, въ церкви постоянно вырабатывалось ся законодательство, определялись различныя нормы для фактическихъ отношеній, слагалось ся право. Въ постановленіяхъ великихъ соборовъ и отцевъ, церковь имѣетъ твердыя основанія для всѣхъ сторонъ своей дѣятельности. Каждой частной церкви остается только *примѣнять* (а не отмѣнять) вселенскія основанія церковнаго управленія къ своимъ мѣстнымъ потребностямъ и бытовымъ условіямъ» (стр. 833). Противъ этого приведенія нами словъ нашего противника онъ не протестуетъ и, слѣдовательно, не отрицается, что онъ нѣкогда признавалъ постановленія великихъ соборовъ и отцевъ за твердыя основанія для всѣхъ сторонъ дѣятельности церкви, которыя каждой частной церкви должно примѣнять къ своимъ мѣстнымъ потребностямъ.

Но затѣмъ прогивъ образа приведенія вами непосредственно за вышеприведенными слѣдующихъ словъ нашего прогивника онъ предъявляетъ протестъ. Дабы не причинено было какого либо ущерба нашему прогивнику, или истинѣ мы считаемъ нужнымъ представить и подлинный текстъ въ полномъ видѣ и наше изложеніе и протестъ.

*1. Подлинный текстъ об-
яслованнаго мѣста:*

„Древнее церковное законодательство, соединенное въ книги правилъ, и теперь имѣетъ de jure значеніе положительнаго закона; въ такомъ значеніи оно признается во всѣхъ послѣдующихъ законодательныхъ памятникахъ, относящихся къ церкви. Въ уставѣ духовныхъ Консисторій основаніемъ епархіальнаго управленія и суда, въ слѣдъ за закономъ Божиимъ въ Священномъ Писаніи, поставлены каноны и правила Святыхъ Апостоловъ, св. соборовъ вселенскихъ и помѣстныхъ и святыхъ отцевъ. (Ст. 6.). Такимъ образомъ, съ одной стороны, въ силу законодательнаго призванія, правила соборовъ и отцевъ суть дѣйствующее право, къ которому наука не можетъ относиться такъ, какъ къ мертвому памятнику съ одними чисто научными пріемами, какъ изучается, напр. римское право; съ другой стороны,—въ дѣйствительно дѣйствующемъ правѣ церкви мы находимъ, что многія изъ древнихъ правилъ не дѣйствуютъ, не отменены и не замѣнены другими, иныя даже не причтены и не вполнены при настоящихъ обстоятельствахъ“ (Прав. Обзор. 1870, 1. 837).

1. Наше изложеніе въ первой апологиз:

„Древнее церковное законодательство, соединенное въ „книги правилъ“ и теперь имѣетъ de jure значеніе положительнаго закона; въ такомъ значеніи оно признается и во всѣхъ послѣдующихъ законодательныхъ памятникахъ, относящихся къ церкви... Въ силу законодательнаго призванія, правила соборовъ и отцевъ суть дѣйствующее право, къ которому наука не можетъ относиться такъ, какъ къ мертвому памятнику съ одними чисто научными пріемами.“ (стр. 837).

Протестъ нашего противника.

Почтеннѣйшій противникъ нашъ, находя здѣсь подлогъ, говоритъ: *отрывочно онъ беретъ одну часть предложенія*: «древнее церковное законодательство, соединенное въ «книгѣ правилъ», и те-«серъ» имѣетъ *de jure* значеніе положительнаго за-«кона; въ такомъ значеніи оно признается во всѣхъ «послѣдующихъ законодательныхъ памятникахъ, от-«носящихся къ церкви» *и опускаетъ другую*: «между «тѣмъ въ дѣйствительной церковной практикѣ и «управленіи многія изъ древнихъ правилъ не дѣй-«ствуютъ, не отмѣнены и не замѣнены другими, «иныя же даже не примѣнимы и не исполнимы «при настоящихъ обстоятельствахъ» (508).

Объясненіе. Изъ сличенія протеста съ подлин-нымъ текстомъ и съ нашимъ изложеніемъ пререкаемаго мѣста открывается: 1) неточность въ словахъ нашего обвинителя: то, что онъ называетъ *одною частью предложенія*, въ подлинникѣ есть цѣлое законченное точкою предложеніе; 2) не продолжена нами выписка до того мѣста, до котораго требуетъ нашъ обвинитель, не по какому нибудь злему умыслу, а единственно потому, что въ приведенномъ нами мѣстѣ заключается совершенно полная и законченная мысль о томъ, какое имѣютъ по мнѣнію нашего противника значеніе церковныя правила *de jure*, въ силу законодательнаго признанія, 3) нашъ обвинитель не упрекаетъ насъ, чтобы мы исказили его мнѣніе о томъ, какое имѣютъ значеніе церковныя правила *de jure*, по закону; 4)

требованіе же, чтобы мы приводили и его мнѣніе о практическомъ значеніи правилъ есть требованіе совершенно излишнее и пригизательное; наконецъ 5) и по исполненіи требованія обвинителя оуъ ничего невыигрываетъ, мысль его приведена нами сполна, безъ искаженія, и приведеніемъ другой его мысли первая не ослабляется.

2. *Подлинный текст* (Прав. Обзор. 1870 май, 838):

„По нашему мнѣнію указаніе на древнія правила можетъ имѣть по существу своему такой смыслъ: правила Апостоловъ, соборовъ и отцевъ необходимо должны быть первымъ и существеннымъ основаніемъ церковнаго суда, но не въ томъ значеніи, въ какомъ можно, напримѣръ, сказать о сводѣ гражданскихъ законовъ, или оуъ уложеніи о наказаніяхъ, что они суть основанія гражданского и уголовнаго суда. т. е. не въ смыслъ прямой практической примѣнимости, а въ смыслъ основныхъ высшихъ началъ или принциповъ, которые должны быть развиты, прижѣнены, соображены съ современными потребностями церкви, разработаны въ опредѣленныхъ законодательныхъ постановленіяхъ, на основаніи и по духу которыхъ должны составлять точныя юридическія нормы для настоящихъ церковныхъ отношеній.“

2. *Наше изложеніе въ 1-й апологии:*

„Правила Апостоловъ, соборовъ и отцевъ необходимо должны быть главными и существенными основаніемъ церковнаго суда въ смыслъ основныхъ высшихъ началъ, или принциповъ“.

Протестъ нашего противника (Прав. Обзор. 1871, окт. 507).

Противникъ нашъ въ обвиненіи нашего будто бы подлога говоритъ о насъ слѣдующее: *конъ слѣдуетъ*

такому приему. *приводитъ одну половину мысли: «правила аностоловъ, соборовъ и отцевъ необходимо должны быть главнымъ и существеннымъ основаніемъ церковнаго суда» и опускаетъ другую: «но не въ смыслъ прямой практической примѣнимости, а въ смыслъ основныхъ принциповъ, которые должны быть развиты, примѣнены, соображены съ современными потребностями».*

Объясненіе. Почтенный противникъ нашъ не насъ уличаетъ въ подлогъ, а самъ дѣлаетъ его, указывая въ числѣ опущенныхъ такія слова, *которыя у насъ приведены, и въ которыхъ и была вся сила, (а именно слова: въ смыслъ основныхъ высшихъ началъ, или принциповъ), а за тѣмъ и возстановленіе дѣлаетъ не вѣрное подлиннику. Для кого выгоднѣе подлинный текстъ? Конечно, для насъ, а не для нашего противника. Почтеннѣйшій противникъ нашъ, очевидно, держится убѣжденія: кому тамъ разбираться, что ни напиши, все будетъ ладно, всему повѣрять....*

3. *Подлинный текстъ*(Прав. Обзор. 1870 май, 838, 839 непосредственно за вышеприведенными словами).

„Древнія правила представляютъ драгоценное сокровище и твердую руководительную опору для дѣятельности церковнаго законодателя всѣхъ временъ; онъ обязанъ положить ихъ въ основаніе своихъ законодательныхъ предположеній, на нихъ созидать свое зданіе по правамъ и требованіямъ современной архитектуры; многое должно въ нихъ получить значеніе неиз-

3. *Наше изложженіе въ первой апологѣ:*

„Древнія правила представляютъ драгоценное сокровище и твердую руководительную опору для дѣятельности церковнаго законодателя всѣхъ временъ; онъ обязанъ положить ихъ въ основаніе своихъ законодательныхъ предположеній, на нихъ созидать свое зданіе.“

льннаго начала, многое должно быть измѣнено и приспособлено и должно обратиться въ достояніе исторіи“.

Протестъ нашего противника (Прав. Обзор. 1871 окт. 507, 508).

И здѣсь противникъ нашъ усматриваетъ подлогъ и изобличаетъ насъ въ немъ слѣдующимъ образомъ: *«выписываетъ первую половину другой мысли, что древнія правила представляютъ драгоценное сокровище и твердую руководительную опору для дѣятельности церковнаго законодателя всѣхъ временъ» и опускаетъ другую: «многое въ нихъ должно быть измѣнено и приспособлено, многое и теперь уже фактически не приспособимо и должно обратиться въ достояніе исторіи».*

Объясненіе. Что обличитель не полно приводитъ нашу выписку—это ясно. Но онъ допускаетъ не большой, но весьма вѣскій подлогъ и въ подлинномъ текстѣ своей статьи.

Опущеніемъ словъ: *многое въ нихъ должно получить значеніе неизмѣннаго начала* нашъ почтеннѣйшій противникъ могъ приобрѣсти надъ нами нѣкоторый верхъ. Но, Боже милосердый, вѣдь я еще живъ, а не умеръ, и могу гласъ о себѣ дать. *Est modus in rebus.*

4. Наконецъ для опредѣленія подлиннаго характера *реставрацій*, сдѣланныхъ нашимъ противникомъ, мы не можемъ не остановиться еще на одной такой реставраціи. На стр. 359-й нашей апологіи мы говоримъ, что нашъ почтеннѣйшій противникъ и самъ почиталъ принадлежность церковно-судной

власти епископу церковнымъ и неприкосновеннымъ принципомъ, и въ доказательство этого приводимъ слѣдующія его слова: «преобразованія въ организаціи судебной власти, особенно въ отношеніяхъ архіереевъ къ духовному суду касаются собственно церковныхъ принциповъ, которыми слѣдуетъ дорожить». (Прав. Обзор. 1870 1, 996.). Почтеннѣйшій противникъ нашъ протестуетъ и возстановляетъ по подлиннику слѣдующимъ образомъ: «возможныя въ судопроизводствѣ преобразованія не касаются собственно церковныхъ принциповъ, чего нельзя сказать о преобразованіяхъ въ организаціи судебной власти, особенно въ отношеніяхъ архіереевъ къ духовному суду, хотя и здѣсь (т. е. въ организаціи судебной власти, какъ мы надѣемся доказать впоследствии) реформы, даже самыя широкія, если они рациональны, должны коснуться не каноническихъ началъ, которыми только и слѣдуетъ дорожить, а неправильнаго развитія и пониманія ихъ, сложившагося частію подъ вліяніемъ государственныхъ принциповъ стараго времени, частію въ слѣдствіе бытовыхъ условій нашего духовенства». Такова реставрація нашего почтеннѣйшаго противника. Мы не довольны этою реставраціею и требуемъ, чтобы приведены были и дальнѣйшія строки подлинника: «порядокъ духовнаго судопроизводства былъ скопированъ съ немногими измѣненіями и особенностями съ установленнаго въ общемъ законодательствѣ (Свод. зак. т. XV) порядка; послѣдній теперь признавъ самую законодательную властію устарѣвшимъ, во многомъ существенно измѣненъ и держится въ настоящее

время въ одномъ духовномъ вѣдомствѣ».—Сдѣлавъ свою реставрацію, почтеннѣйшій противникъ спрашиваетъ: «говорится ли въ этихъ строкахъ что-нибудь *за или противъ* принадлежности судной власти епископу?»—Отвѣчаемъ: здѣсь весьма ясно говорится, что *преобразованія, особенно въ отношеніяхъ архіереевъ къ суду, касаются собственно церковныхъ принциповъ, что преобразованія въ организаціи судебной власти не должны коснуться каноническихъ началъ, которыми слѣдуетъ дорожить*, а слова почтеннѣйшаго противника приведены нами въ доказательство того, что онъ отношенія архіереевъ къ суду, изъ которыхъ самое коренное—есть принадлежность имъ судной власти, почиталъ церковнымъ и неприкосновеннымъ принципомъ; измѣняемымъ же признавалъ въ современномъ духовномъ судѣ скопированное со свода законовъ. Непостижимо, какимъ образомъ можно было сказать, будто я искажилъ мысль моего противника? Почтеннѣйшій противникъ нашъ заключаетъ: «такъ онъ (т. е. я) дѣлаетъ и во всѣхъ случаяхъ, когда хочетъ навязать мнѣ противорѣчія, создавшіяся въ его собственномъ пониманіи». Дѣйстви-тельно я такъ поступаю всегда, т. е. *привожу мысль моего уважаемаго противника наиточнѣйшимъ образомъ и уличаю его только въ дѣйствительныхъ его противорѣчіяхъ самому себѣ, а не въ мнимыхъ*. И дѣйствительныхъ очень довольно, за чѣмъ еще мнимыя. А онъ такъ ли поступаетъ?

Кого же изобличилъ нашъ почтенный противникъ? Не насъ, а самаго себя. Что приобрѣлъ для защищаемой имъ мысли? То, что изъ его изобличеній

еще яснѣе раскрылось согласіе его воззрѣній на правила, высказанныхъ въ 1870 году, съ нашими, и противорѣчіе тѣмъ, которыя онъ началъ проповѣдывать съ Марта 1871 года. Непостижимъ въ своемъ мужествѣ противъ самаго себя нашъ почтеннѣйшій противникъ.

13) Какъ ни гнѣвъ на насъ нашъ уважаемый противникъ за разныя указанія справокъ, тѣмъ не менѣе однако же на этотъ разъ мы находимъ себя совершенно вынужденными рекомендовать ему одну такую справку по одному частному его заявленію двукратно и, слѣдовательно, не безъ умысла сдѣланному и могущему дать ключъ къ нѣкоторымъ загадкамъ. Два раза почтеннѣйшій противникъ нашъ обращаетъ вниманіе своихъ читателей на 2-й стихъ 3-й главы 1-го посланія Апостола Павла къ Тимофею и собственно на слова: *подобаетъ убо епископу быти единыя жены мужу*. Въ первый разъ онъ говоритъ (197): «я вижу въ наставленіяхъ Апостола Павла Тимофею, изложенныхъ въ 5-й главѣ, нравственно дисциплинарныя правила, измѣняемая сообразно съ обстоятельствами; даже такія наставленія, какъ: *подобаетъ епископу быти единыя жены мужу* — принадлежать къ той же области и по сему не остались неизмѣненными»... Во второй разъ: «въ Божественномъ Откровеніи тѣ предписанія и заповѣди, которыя возникли изъ временныхъ потребностей церкви время Апостольскихъ, не остались потомъ неизмѣнными въ послѣдующей церковной жизни и власть церкви не нашла неправымъ измѣнить ихъ, напр., о *супружествѣ епископовъ* /

Тим. 3, 2.» (511). Нашъ почтеннѣйшій противникъ совершенно ложно почитаетъ измѣненною заповѣдь Апостольскую о единоженствѣ епископа. Заповѣдь эта отъ самаго начала церкви до настоящаго времени (за самыми рѣдкими, единичными и непризнанными церковію исключеніями) соблюдалась и нынѣ въ Православной церкви соблюдается повсюду и во всей строгости. Всякой знающій дѣло не затруднится объяснить, что эта заповѣдь Апостола означаетъ, что епископомъ можетъ быть только тотъ, кто не имѣлъ *двухъ женъ*, и что заповѣдь эта строжайшимъ образомъ соблюдалась въ Православной церкви всегда и соблюдается донынѣ. Вѣдь не укажетъ почтеннѣйшій противникъ нашъ ни нынѣ, ни во всей исторіи Православной церкви епископа двоеженца? Толкованіе же, усвояемое имъ Апостольской заповѣди, состоящее въ томъ, будто бы Апостольскій заповѣдь требуетъ, чтобы епископъ непременно имѣлъ одну жену, нелѣпо уже по одному тому простому соображенію, что съ принятіемъ его пришлось бы овдовѣвшаго епископа отрывать и искать на его мѣсто новаго, единыя жены мужа.

Единыя жены мужъ епископъ... и заповѣдь Апостольская объ этомъ не соблюдается... Боже Праведный!.. да это онъ... искомый вѣкинми изъ братій... это женатый архіерей... Его въ сумракѣ показываетъ намъ нашъ искуснѣйшій противникъ. И подходъ къ этому предмету всегда дѣлаютъ съ этого конца.— Однако, чтѣ же въ самомъ дѣлѣ? Почему бы и не женатый?— Не говоря о причинахъ каноническихъ, о правилѣ вселенскаго собора, которое (замѣтьте хо-

рошенько) можетъ быть отмѣнено только властію Вселенскаго Собора, и никакою другою властію въ Церкви, предполагаемое измѣненіе неудобопріемлемо по слѣдующимъ четыремъ практическимъ, наиболѣе любимымъ нашимъ противникомъ соображеніямъ, *caeteris paribus*. 1) у бѣлаго архіерея родственниковъ втрое болѣе, чѣмъ у монаха: у монаха только съ его стороны—отецъ, дяди, братья, племянники; у женатаго, кромѣ сего—и тѣже со стороны жены, и за симъ еще свое прямое потомство—дѣти и внуки; 2) времени на дѣла управленія у женатаго вдвое менѣе, чѣмъ у монаха, пбо семейство требуетъ особыхъ заботъ отца, ненужныхъ для монаха; 3) денегъ на содержаніе женатаго нужно гораздо болѣе, чѣмъ монаха, не имѣющаго семейства; а нѣкоторыя средства, которыми теперь содержатся монашествующіе архіереи, для женатыхъ будутъ закрыты. Настоятелями монастырей нельзя быть женатымъ архіереямъ. Развѣ вздумаютъ учредить двойные монастыри,—и настоятелемъ мужскаго отдѣленія будетъ бѣлый архіерей, а женскаго—бѣлая архіерейша?!— 4) Женское вліяніе на дѣла Церкви, неотвратимое для женатаго,—едва ли послужило бы къ пользѣ Церкви. Правила 12 и 48 VI вселенскаго собора, сколько не пререксаемы по авторитету, какъ правила вселенскаго собора, столько же глубоки по ихъ практической мудрости.

14) Среди множества огорченій, испытанныхъ нами при чтеніи и изученіи обвинительнаго акта, мы не оставлены были и безъ нѣкотораго утѣшенія. Намъ утѣшила въ обвинительномъ актѣ та

серьезность, съ которою нашъ почтеннѣйшій противникъ увѣряетъ своихъ читателей, будто мы считаемъ его союзникомъ нашимъ и единомышленникомъ (507, 508, 509, 514 и др.). Если бы онъ далъ кому нибудь изъ близкихъ ему людей прочесть нашу статью, — мы увѣрены, онъ былъ бы вразумленъ, въ какомъ смыслѣ онъ причитается нами въ союзники, и избавилъ бы насъ отъ труда изъяснять ему, что эта честь присвоена нами себѣ не безъ нѣкотораго умысла. Если бы нашъ почтеннѣйшій противникъ причислялъ насъ къ своимъ союзникамъ, напр. въ вопросѣ о возможности отнятія церковно-судной власти у епископа, — мы при всемъ нашемъ простодушіи и наивности, остереглись бы принять эту честь за чистую монету и заподозрили бы нѣкій сокровенный ковъ въ его словахъ. При всей своей дальновидности нашъ уважаемый противникъ на этотъ разъ далъ маленькій промахъ и подалъ намъ случай объяснить ему, что союзъ съ нимъ намъ нуженъ единственно для того, чтобы яснѣе изобличать его ссору съ логикою, здравымъ смысломъ и самимъ собою. — Мы и впредь не откажемся отъ подобнаго союзничества, если и впредь онъ будетъ говорить и въ пользу своихъ фантазій и противъ нихъ. И мы увѣрены изъ обвинительнаго акта имъ противъ насъ написаннаго, что онъ непремѣнно будетъ доставлять намъ это удовольствіе и помощь: не смотря ни на какіе уроки логика ему педается и только риторика усовершенствуется: многословіе его безпредѣльно. Отказаться отъ такогоклада, отъ подобнаго союза и помощи

можно только сошедши съ ума. Жельзными руками нужно удерживать подобныхъ друзей — помощниковъ и сотрудниковъ.

15) Въ концѣ обвинительнаго акта нашъ уважаемый противникъ высказываетъ неудовольствіе, что мы обращали въ нашей статьѣ вниманіе на то впечатлѣніе, которое произвела бы предлагаемая имъ мѣра—устроить епархіальный судъ безъ участія въ немъ архіерея — на раскольниковъ, іезуитовъ и западныхъ ревнителѣй соединенія съ православною церковію. Онъ находитъ, что это съ нашей стороны просто фокусъ, рассчитанный на то, чтобы запугать довѣрчивыхъ читателей страшными словами и страшными картинами (699), и что мѣра имъ предложенная произведетъ совсѣмъ не то впечатлѣніе и дѣйствіе, какое мы предполагаемъ, а самое благопріятное, — раскольникамъ она понравится, и они «скажутъ большую благодарность высшей церковной власти за это», (701) Дѣллингеровъ будетъ одобрена, а если не понравится іезуитамъ, то въ ихъ же назиданіе: пусть знаютъ, что православная церковь не отрицаетъ здравыхъ общепризнанныхъ государственныхъ и научныхъ принциповъ, что православная церковь никогда не станетъ въ такую жестокую вражду съ христіанскимъ государствомъ, въ какую вошло теперь папство съ католическими государствами, и поэтому никогда не будетъ переживать такихъ глубоко печальныхъ кризисовъ, какіе переживаетъ теперь папство (704). — Входить въ подробное объясненіе по этому поводу съ нашимъ почтеннѣйшимъ противникомъ въ настоящій

разъ мы не имѣемъ времени и возможности. Цель нашего заявленія объ этомъ предметѣ ясно выражена: «предполагая сдѣлать столь важный шагъ, какъ устройство епархіальнаго суда безъ участія въ немъ епархіальнаго архіерея, мы должны обратить вниманіе на всё — на религіозныя и церковныя убѣжденія нашего народа, а равно и на мнѣнія обществъ, не благосклонно расположенныхъ къ православной церкви.» Вотъ что мы говорили. Разсуждали мы объ этомъ предметѣ кратко, только на двухъ страницахъ крупной печати. Негдѣ было и разыгаться нашей фантазіи, какъ зло острить нашъ почтеннѣйшій противникъ, негдѣ было рисовать не только «цѣлаго ряда картинъ въ отдѣльныхъ группахъ различныхъ классовъ людей» (699), но и одной картины. Почтеннѣйшій противникъ нашъ вдается здѣсь въ нѣкоторый лиризмъ и допускаетъ поэтическую вольность. Ну да не въ томъ дѣло: это такъ обычно ему, и съ такимъ искусствомъ имъ постоянно практикуется. Но изъяснять, якобы мы на этихъ двухъ страницахъ дѣйствовали по системѣ устрашенія, стараясь занугать доверчивыхъ читателей страшными словами и страшными картинами (не существующими) — почтеннѣйшій противникъ нашъ не имѣлъ основанія. Капитальная ошибка его въ этомъ случаѣ состоитъ въ томъ, что онъ воображаетъ, будто только мы съ нимъ люди взрослые, которыхъ ничѣмъ нельзя урезонить, даже и дословными выписками изъ нашихъ сочиненій, а всѣ наши читатели — дѣти, ничего неразумѣющія. Признаемся искренно, мы никогда не писали для

дѣтей, да и таланта такого не имѣемъ. Мы лично пишемъ только для взрослыхъ людей, которые могутъ свое сужденіе имѣть не только о предметѣ, но и о нашемъ писаніи, и мы не приписывали бы себѣ никакого успѣха, еслибы убѣждали только дѣтей. Въ этомъ убѣжденіи мы всегда, на каждую нашу мысль, приводимъ и доказательства, какія имѣемъ, зная по опыту скептическое настроеніе каждаго взрослога читающаго человѣка: не повѣрять на слово, безъ документовъ. Что нашъ почтеннѣйшій противникъ самъ лично практикуетъ иныя убѣжденія въ отношеніи къ своимъ читателямъ—это его добрая воля. Но когда онъ, съ подобной же точки зрѣнія трактуя и своего противника, вставляетъ въ публично сказанныя имъ слова такія стеклышки, въ которыя мысли противника представляются въ свѣтъ совершенно противоположномъ; тогда является нужда въ нѣкоторой остановкѣ такого искусника. Мы утверждаемъ и защищаемъ мысль, что по Слову Божію и по правиламъ Церкви, епархіальный архіерей долженъ участвовать въ епарх. судѣ. А почтеннѣйшій противникъ нашъ, не сказавши противъ существа этой мысли ни одного дѣльнаго слова, усиливается выставить дѣло въ такомъ свѣтъ, яко бы мы защищаемъ непогрѣшимость римскаго папы (493, 494, и др.) и хотимъ затормозить естественное стремленіе къ улучшенію внѣшнихъ формъ жизни (495, 496).—Мы приводимъ изъ посланія Восточныхъ Патріарховъ слова свидѣтельствующія, что принадлежность судной въ Церкви власти составляетъ отличительную особен-

ность епископа, выписывая подлинныя слова Посланія. А нашъ почтеннѣйшій противникъ употребляетъ нѣкоторый фокусъ и увѣряетъ своихъ читателей, будто именно съ цѣлю осужденія его въ ереси выписываемъ эти слова (515). Тѣмъ наброшена и противникъ предъ читателями дискредитированъ.—На слова почтеннѣйшаго противника нашего, будто «принадлежность церковно-судной власти не стоитъ ни въ какой связи съ сущностію церковныхъ учреждений, не обосновываетъ ихъ» мы замѣчаемъ, что, если изъять все правила, въ которыхъ прямо, или косвенно говорится о судной власти епископа, то въ слѣдствіе сего произойдетъ большое опустошеніе, радикальный переворотъ и въ правилахъ и въ учрежденіяхъ. А почтеннѣйшій противникъ нашъ увѣряетъ своихъ читателей, будто мы грозимъ цѣлою церковною революціею (514), разгромомъ всехъ церковныхъ учреждений (681), погромомъ (682), показываемъ страшный призракъ церковной революціи, ереси, запугиваемъ читателей, поражаемъ ихъ мысль разными иллюзіями (682), значеніе и права пресвитерства въ церкви унижаемъ почти до совершеннаго ничтожества (684).—По объѣмъ частямъ обвинительнаго акта проходитъ и тонкая и толстая направленная противъ насъ нашимъ почтеннѣйшимъ противникомъ инкриминація въ ультрамонтанствѣ, въ несочувствіи судебнымъ уставамъ 1864 г., въ отрицаніи здравыхъ общепризнанныхъ государственныхъ и научныхъ принциповъ, во враждѣ къ правильнымъ порядкамъ жизни православнаго государства и общества, въ

ретроградствѣ и стремленіи затормозить практическое осуществленіе предложенной судебной реформы, въ стремленіи убѣдить читателя, что вниманіе къ современнымъ результатамъ науки и законодательства при преобразованіяхъ въ церковномъ быту и отношеніяхъ, опасно, грозитъ разрушеніемъ самыхъ основаній церк. учреждений, что къ научнымъ требованіямъ и современнымъ потребностямъ жизни, какъ бы они ни были серьезны и настоячивы, церковь не должна прислушиваться, а тѣмъ менѣе соображаться съ ними въ своей внѣшней жизни, что все это несокъ міра сего суетій (688) и т. д. и т. д. Любопытнѣе всего то обстоятельство, что всѣ подобныя вещи дѣлаются послѣ торжественнаго заявленія: «я не стану себя оправдывать въ косвенныхъ (должно читать: несуществующихъ) обвиненіяхъ въ неправославіи, въ наклонности къ лютеранству, или сго самого (т. е. меня) уличать въ ультрамонтанствѣ и т. п. Все это я нахожу неприличнымъ въ печати» (490). И однако же!... Всѣ эти и подобныя инкриминаціи мы объявляемъ ложью завѣдомо нашимъ противникомъ допущенною и просимъ его представить изъ нашей статьи, напечатанной во 2-й книжкѣ Прибавл. къ Тв. Св. Отцевъ 1871 г. или изъ другихъ нашихъ публичныхъ дѣйствій и словъ доказательства, если онъ рѣшится утверждать противное. И на этомъ, въ настоящій разъ, мы останавливаемъ наше объясненіе съ уважаемымъ нашимъ противникомъ, имѣя обязанность не лишить себя чести дать отвѣтъ и предъ его почтеннѣйшими хозяевами.

Насъ почтили своимъ отеческимъ вниманіемъ и хозяева нашего уважаемаго противника—три честнѣйшіе іерея, составляющіе редакцію Православнаго Обозрѣнія.

Почтеннѣйшіе отцы въ заключеніи обвинительнаго противъ насъ акта даютъ себѣ и намъ аттестатъ, который впрочемъ въ отношеніи къ намъ справедливѣе назвать волчьимъ билетомъ.— Изъ аттестата почтеннѣйшихъ отцовъ оказывается, что въ ихъ приходѣ все обстоитъ благополучно, и процвѣтаютъ всѣ добродѣтели, а въ нашемъ очень худо и гнѣзятся всѣ пороки. Изъ аттестата почтеннѣйшихъ отцовъ получаютъ слѣдующія свѣдѣнія: 1) честнѣйшіе отцы сочли нужнымъ заказать нашему уважаемому противнику, а своему комиссіонеру разобрать нашу статью; 2) новый вопросъ, нами будто бы придуманный, разрѣшенъ ихъ уважаемымъ сотрудникомъ удовлетворительно; 3) литературные труды Н. К. Соколова по вопросу церковно-судебной реформы оцѣнены по достоинству людьми серьезными, особенно духовенствомъ, давно желающимъ преобразованія церковнаго суда.— Не правда ли—благоденствіе непроходимое? Но это благоденственное житіе еще въ болѣе яркомъ свѣтѣ представится, когда взглянемъ въ противную, т. е. въ нашу сторону и прочтемъ намъ выданный аттестатъ, или лучше сказать, скорбный листъ. Въ этомъ листѣ значится: 1) въ статьѣ г. Лаврова усматривается бѣдность положительнаго содержанія, мелочная привязчивость и запутанность критическихъ пріемовъ. 2) Очень мало могъ представлять интереса

самъ по себѣ разборъ хитросплетеній статьи г. Лаврова, не имѣющихъ положительнаго отношенія къ дѣлу. 3) Статья г. Лаврова, не смотря на бѣдность положительнаго содержанія и рутинность критическихъ приѣмовъ, можетъ быть принимаема нѣкоторыми за весьма надежный тормазъ къ практическому осуществленію предположенной церковно-судной реформы и за нестоимый арсеналь возраженій противъ разумнаго примѣненія здравыхъ юридическихъ началъ къ устройству церковнаго суда.—4) А. О. Лавровъ есть профессоръ церковнаго права въ Московской Духовной Академіи.—5) Нельзя не пожалѣть, что онъ связалъ съ этимъ дѣломъ свое имя (707, 708).

Какіе безпристрастные судьи почтеннѣйшіе отцы: другу не дружатъ и недругу не мстятъ! Но почтеннѣйшіе отцы не только безпристрастные судьи, но и благосердые, сострадательные и гуманные люди. Они удостоили въ своемъ обо мнѣ отзывѣ не только выставить мою фамилію, но первыя буквы моего имени и отчества, и даже мой адресъ. И кромѣ всего этого благоволили выразить свое о мнѣ сожалѣніе.—По истинѣ трогательное вниманіе!

Вниманіе оказанное мнѣ тремя почтеннѣйшими отцами меня очень трогаетъ, хотя аттестація ими мнѣ данная и не особенно для меня лестна. Я искренно и всею душею чту священный санъ (не различая блага отъ чернаго) и готовъ бы покориться всякому приговору не только полной коллегіи іереевъ (*tres collegium faciunt*), но и приговору одного лица пресвитерскаго сана. Къ сожалѣнію, почтеннѣйшіе

отцы поставляютъ меня въ совершенную невозможность подчиниться ихъ приговору. Приговоръ ихъ надо мною столь строгъ, что я по совѣсти не могу не воспользоваться принадлежащимъ мнѣ правомъ отзыва противъ этого приговора.

Мы искренно и глубоко чтимъ священство и, можетъ быть, придетъ время, когда почтеннѣйшіе отцы узнаютъ, что и нашъ слабый голосъ былъ возвышаемъ на защиту законныхъ правъ блага священства, когда то было нужно, и что обвиненіе насъ нашимъ почтеннѣйшимъ противникомъ, будто нами «значеніе и права пресвитерства въ церкви унижаются почти до совершеннаго ничтожества» (684) есть совершенная ложь. Но права и притязанія два дѣла разные. Нельзя же всего требовать для одного блага пресвитерства: нѣтъ основаній. И другія степени церковной іерархіи и другаго цвѣта духовныя лица имѣютъ свои права, утверждающіяся на Божественныхъ и церковныхъ основаніяхъ, и права эти, по нашему мнѣнію, должны быть сохранены. Почтеннѣйшіе отцы и ихъ комиссіонеръ могутъ быть другаго мнѣнія. Это ихъ добрая воля. Они могутъ сожалѣть о нашемъ ослѣпленіи; но да позволяютъ же и намъ высказать наши мысли и чувства въ виду защищаемыхъ ими притязаній.

Притязанія, заявленныя и защищаемыя почтеннѣйшими отцами и ихъ комиссіонеромъ, столь незаконны, столь неосновательны, что не могутъ явиться на свѣтъ Божій даже съ настоящимъ ихъ именемъ, а должны маскироваться цѣлою грудой фразъ и изворотовъ. Мы въ нашей первой апологіи назва-

ли эти притязанія и домогательства ихъ настоящимъ, прямымъ именемъ. Мы на основаніи точныхъ словъ почтеннѣйшаго противника нашего сказали, что онъ замышляетъ и предлагаетъ *отнятіе* судной власти у епархіальнаго епископа въ епархіальномъ судѣ. Но какихъ же осмѣяній удостоились мы отъ него въ его обвинительномъ актѣ (498, 499, 680 и др.)? Онъ призналъ нужнымъ и возможнымъ *per fas et nefas* открещиваться отъ этого имени его предложенія, утверждая, что онъ этого никогда не предлагалъ, знать не знаетъ и вѣдать не вѣдаетъ, что это есть моя поддѣлка; онъ же самъ предлагаетъ-де только отдѣленіе судебной части отъ административной въ епархіальномъ вѣдомствѣ, при чемъ-де епарх. начальникъ только не будетъ имѣть возможности заправлять мнѣніями членовъ, какъ заправляетъ онъ теперь членами консисторіи, будетъ имѣть важную судебную функцію *прокурорскую* и еще будетъ имѣть судебную власть, когда будетъ вызванъ въ Св. Синодъ, что рѣчь идетъ не объ отнятій власти, а объ ослабленіи бюрократической централизаціи въ нашемъ епархіальномъ вѣдомствѣ и о болѣе правильномъ распредѣленіи судебной дѣятельности между различными инстанціями, причемъ епископство стоитъ на вершинѣ судебной организаціи въ церкви, сосредоточиваетъ въ себѣ всѣ важнѣйшія *судебныя* отправления: дѣятельность кассационную, апелляціонную и *прокурорскій надзоръ* (686). Онъ находитъ нужнымъ утверждать, что «епископство остается со всею полнотою церковной власти» (494), хотя и предлагаетъ устроить епар-

хiальный судъ изъ двухъ инстанцій, состоящей внѣ всякаго участія въ немъ епископа, или епископства, съ представленіемъ только дѣла о лишеніи сана на ревизию епископства. Если бы дѣло было чисто, ни въ какихъ такихъ изворотахъ не было бы нужды. Одна ясная постановка дѣла, употребленіе общепонятныхъ словъ вмѣсто кудрявой и артистической фразеологiи уже измѣняетъ дѣло къ совершеннѣйшей невыгодѣ домогательствъ почтеннѣйшихъ отцовъ и грозитъ совершеннымъ паденіемъ ихъ притязаній. Честнѣйшіе отцы и ихъ почтеннѣйшій коммисіонеръ глубоко ошибаются, когда полагаютъ, что это дѣло котораго они добиваются, можетъ совершиться въ тихомолку, такъ что никто объ этомъ не догадается (см. стр. 701). Не такой величины предметъ : непременно замѣтятъ.

Немало говоритъ противъ правды и законности предлагаемаго почтеннѣйшими отцами и ихъ сотрудникомъ дѣла и образъ дѣйствования ихъ по поводу извлеченія изъ нашей апологiи, напечатаннаго въ Московскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ. «Когда началась перепечатка нашей статьи» — говоримъ словами публичной исповѣди Правосл. Обозрѣнія, — «редакторъ Православнаго Обозрѣнія послалъ письмо редактору Епархіальныхъ Вѣдомостей въ томъ смыслѣ, что редакціи Моск. Епарх. Вѣдомостей при передачѣ статьи Лаврова нужно бы принять во вниманіе и отвѣтъ г. Соколова, печатающійся въ Прав. Обозрѣніи или покрайней мѣрѣ сдѣлать оговорку, которою объяснялось бы положеніе въ спорномъ вопросѣ, занимаемое самими Епарх. Вѣдомостями, чтобы пна-

че не подать повода къ недоразумѣніямъ. *Письмо это* вызвано было самымъ искреннимъ желаніемъ своевременно *предостеречь* Епарх. Вѣдомости отъ неловкости, въ которую онѣ вовлекали себя какъ епархіальный органъ и какъ изданіе общества дух. просвѣщенія. Съ другой стороны *письмо это отчасти* было написано и по желанію Н. К. Соколова, который безъ сомнѣнія имѣлъ бы право и открыто требовать, чтобы на страницахъ Епарх. Вѣдомостей правильно возстановленъ былъ смыслъ его словъ, искаженныхъ г. Лавровымъ и въ слѣдъ за нимъ библіографомъ взявшимся передавать содержаніе статьи Лаврова въ Епарх. Вѣдомостяхъ, но который также *предпочелъ* вмѣсто открытаго требованія и печатной полемики ограничиться частнымъ объясненіемъ съ редакціею Епарх. Вѣдомостей. И еслибы редакція послѣдовала сдѣланному ей совѣту, т. е. подъ изложеніемъ статьи г. Лаврова сдѣлала *нужное примѣчаніе*, или по крайней мѣрѣ частнымъ же образомъ сообщила бы намъ, что въ слѣдъ за изложеніемъ статьи г. Лаврова въ Московскихъ Епарх. Вѣдомостяхъ будетъ и изложеніе новой отвѣтной на нее статьи г. Соколова; то, конечно, Н. К. Соколовъ въ своей второй статьѣ не сдѣлалъ бы того примѣчанія, которое показалось обиднымъ Епарх. Вѣдомостямъ, и небылобы надобности поднимать изъ за этого дѣла распри въ московскихъ духовныхъ изданіяхъ». (Правосл. Обзор. 1871 декабрь, 624, 625).

Неописанная красота сего дѣянія равняется только цинической откровенности разсказа о немъ, какъ о

нѣкоемъ подвигѣ. Удивителенъ образъ дѣйствія и непостижима откровенная нагота исповѣди. Дорого далъ бы за этотъ казусъ покойный блюститель литературнаго курьеза—«свистокъ».

Изъ химическаго анализа сей всенародной задушевной исповѣди явствуетъ: 1) что редакторъ «Прав. Обозрѣнїя и г. Соколовъ требовали отъ редакціи Москов. Епархіальныхъ Вѣдомостей, что бы она согласилась съ ними, а не съ нами, ибо въ противномъ случаѣ небыло бы нужды и заводить секретно-конфиденціальныя сношенія, 2) что соглашаться съ нами значитъ допускать неловкость, и, слѣдовательно, соглашаться съ Прав. Обозрѣніемъ значитъ обдѣлывать ловкое дѣльцо;—3) Г. Соколовъ сдѣлалъ во второй своей статьѣ обидное для редакціи Моск. Епар. Вѣдомостей примѣчаніе не по какимъ либо серьезнымъ, или научнымъ побужденіямъ, а единственно потому, что эта редакція не исполнила ихъ требованія *не соглашаться съ нами*: еслибы требованіе было исполнено, то и г. Соколовъ не сталъ бы обижать, и не было бы заведено распри въ московскихъ духовныхъ изданіяхъ.

Тотъ, кто убѣжденъ въ правотѣ своего дѣла, никогда не будетъ требовать, чтобы направленныя противъ него возраженія не были печатаны и не были никому извѣстны. Если возраженія ложны и слабы; то при большемъ освѣщеніи, при большемъ оглашеніи, ложь и слабость ихъ обнаружится еще яснѣе. Мы, напр., жалалибы, чтобы написанныя противъ насъ г. Соколовымъ статьи перепечатаны были въ журналахъ и газетахъ всея Европы и Аме-

рики; и еслибы узнали, что какая нибудь редакція имѣетъ намѣреніе воспроизвести на страницахъ своего изданія его полемическіе противъ насъ подвиги; то не стали бы писать не только угрожающихъ, но даже и дружественныхъ писемъ съ требованіемъ, или совѣтомъ оставить такое намѣреніе. Чѣмъ шире гласность, чѣмъ ярче свѣтъ; тѣмъ несомнѣннѣе паденіе лжи: сила лжи потемки. И чего было бояться почтеннѣйшимъ отцамъ и г. Соколову, если дѣло ихъ правое, а мое не правое? Только большее число лицъ увидѣло бы ихъ правду, а мою неправду.

Однимъ правиломъ этой исповѣди хотѣлось бы воспользоваться и намъ. Православное Обозрѣніе говоритъ, что «г. Соколовъ имѣлъ право прямо и открыто требовать, чтобы на страницахъ Епарх. вѣдомостей правильно возстановленъ былъ смыслъ его словъ искаженныхъ г. Лавровымъ». Смыслъ словъ нашей первой апологійи искаженъ г. Соколовымъ въ его статьяхъ прогивъ насъ, напечатанныхъ въ октябрской и ноябрской книжкахъ Правосл. Обозрѣнія 1871 года. Не потребовать ли и намъ прямо и открыто, чтобы на страницахъ Прав. Обозрѣнія правильно возстановленъ былъ смыслъ нашихъ словъ, искаженныхъ г. Соколовымъ? Кажется мы въ своемъ правѣ, и надѣемся, что наше требованіе не можетъ быть оспариваемо съ точки зрѣнія законности.

Прискорбный и плача достойный антагонизмъ бѣлаго, въ особенности столичнаго духовенства и монашества сказался и здѣсь со всею своею силою.

Если бы было объявлено, что архіереями могутъ быть и лица бѣлаго, женатаго духовенства; то, мы вполне убѣждены, настоящей агитаціи совершенно не существовало бы.

Не помагаемъ, что бы почтеннѣйшіе отцы сдѣлали добрую и желанную услугу и бѣлому священству, если бы настоянія ихъ получили успѣхъ. Каждому естественно, для каждаго желательнѣе стремиться быть судиму въ своемъ дѣлѣ судомъ высшаго лица, или учрежденія. И смотря на это дѣло съ точки зрѣнія *судимаго, а не желающаго судить* духовенства-честнаго пресвитерства, діаконства и всего причта, мы остаемся и остаемся въ увѣренности, что отдѣленіе судной надъ клириками власти отъ епарх. архіерея и порученіе ея, положимъ, пресвитерской коллегіи безъ участія архіерея не удовлетворитъ огромное большинство священства и причта. Не будетъ тутъ авторитета ни для одного члена духовенства непререкаемаго, — авторитета лица, давшаго бытіе каждому духовному лицу, какъ духовному лицу. Увѣренію почтеннѣйшихъ отцевъ, будто этого желаетъ духовенство, я никогда не могу повѣрить: ибо не было правильной голосовки вопроса, а увѣреніе троихъ, четверыхъ, десятерыхъ я не могу принять за голосъ всего духовенства.

Почтеннѣйшіе отцы своимъ благосердіемъ и сожалѣніемъ даютъ и намъ случай высказать и наши сожалѣнія. Мы искренно и глубоко сожалѣемъ всегда, когда видимъ, что дѣти подъ разными предлогами, пользуясь разными случаями и маскируясь благовидными словами, предъявляютъ ни на чемъ

неоснованныя притязанія къ вѣковымъ и на Божественныхъ основаніяхъ утвержденнымъ правамъ своихъ отцовъ.—Намъ представляется прискорбнымъ, плача и слезъ достойнымъ уже и въ литературу проникающій (Правосл. Обзор. мартъ 1871, 329) антагонизмъ благаго духовенства противъ монашествоващаго, ничѣмъ невызванный. Въ насъ вызываетъ глубочайшее сожалѣніе то обстоятельство, что заграничныя походы одного іерея и одного ех-профессора не имѣюгъ вполне заслуженной ими участи вѣчнаго презрѣнія и забвенія, но начинаютъ отражаться даже и въ нашей духовной прессѣ. Мы сожалѣемъ, что наша первая апологія избрана предлогомъ къ тому, что и братъ на брата, іерей на іерея.... Сожалѣемъ... ибо еще миръ не миренъ.... еще свѣтъ тма,... и еще соль обуюетъ.... то и т. д.

Но довлѣетъ.... нѣкоторыя вещи не сносятъ свѣта и не любятъ свѣжей воды.... *Inde irae.*

Мы не отказываемся и на будущее время давать всякія объясненія и отвѣты по вопросамъ каноническимъ и другимъ, если Богъ изволитъ, силы нашей хватитъ и времени достанетъ и притомъ не только нашему уважаемому противнику, но и почтеннѣйшимъ заказчикамъ его. Мы осмѣлились бы просить ихъ на будущее время объ одномъ—не примѣшивать къ ученому, или литературному обсужденію, или даже спору личныхъ уязвленій своихъ противниковъ, инсинуаций, инкриминацій. Дѣло подобныя инсинуации не разъясняютъ, публику

не назидаютъ и репутацію инсинуаторовъ не возвышаютъ. Уязвлять ближняго гораздо проще и легче, чѣмъ знать предметъ, о которомъ говоришь и толково безъ противорѣчій излагать его: на брань слово купится. О дѣлѣ дѣло говорить можно безъ *тормазовъ* и подобныхъ полемическихъ любезностей.

А. Давровъ.

18 $\frac{21-31}{\text{XII}}$ 71.